

18+

Мурад Камалов

ВРАЧИ И ПАЦИЕНТЫ

Психотерапевтический роман

Мурад Камалов

**Врачи и пациенты.
Психотерапевтический роман**

«Издательские решения»

Камалов М.

Врачи и пациенты. Психотерапевтический роман / М. Камалов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-642821-8

Сюжетная оболочка романа — это любовно-криминальная история с «вкраплениями» фантастики. Но все гораздо глубже и необычнее. Книга может помочь вам принять решение в трудной ситуации, разрешить многие внутренние противоречия, понять причины жизненных проблем и справиться с ними.

ISBN 978-5-00-642821-8

© Камалов М.
© Издательские решения

Содержание

Врачи и пациенты	6
Глава первая	7
Глава вторая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Врачи и пациенты Психотерапевтический роман

Мурад Камалов

© Мурад Камалов, 2024

ISBN 978-5-0064-2821-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Врачи и пациенты

Психотерапевтический роман.

Автор:

Мурад Камалов. По профессии врач, заведует диагностическим отделением клиники пластической хирургии. Спортсмен, мотивационный коуч, тренер по оздоровительному воркауту.

Глава первая

Когда поздним вечером лежишь спиной на еще теплой от дневного солнца шольской траве и смотришь на усеянное мерцанием бездонное небо, начинаешь верить, что и ты сам можешь стать частью этой живой вечности. Только вот одна тревожная мысль заставляет усомниться в такой возможности. Слишком многие из этих обещающих тебе бессмертия звезд сами давно исчезли, растворились в бесконечности. И лишь прекрасный, но обманчивый их свет все еще сулит нам напрасные надежды. А есть звезды, которые так скоро удаляются от нас после всесоотворившего взрыва, что их сияние, как ни старается, не сможет домчаться до нас никогда.

На мансарде небольшого кирпичного дома довоенной постройки, в комнате со скошенным потолком, рядами книжных полок и чайным столиком сидели двое мужчин. Первый, широкоплечий, лысеватый и светловолосый, допив чай, балансировал на указательном пальце серебряной чайной ложкой. Ладонью свободной руки он как бы прикрыл ее сверху, и та стала медленно загибаться концами в стороны, скручиваясь в малопонятную фигуру. Другой мужчина, поджарый шатен с «рыжинкой» и щеточкой жестких усов, рассматривал заметки в газете.

– Полюбуйтесь-ка, виконт, нам сообщают, что сановные браконьеры решили пострелять реликтовых горных козлов из Красной книги. Что-то пошло не так, их вертолет упал, и козлам удалось уцелеть. Но далеко не всем. Только горным. М-да... А вот, премилые забавы напуганных грядущим людишек. Человечество наступило в ту же самую... пардон, нелепость и собирается отмечать новое тысячелетие на год раньше. То есть, не с началом 2001, а с наступлением будущего, 2000 года. Аналогичный приступ массового оглупления, как вы помните, произошел и в 1900 году. Тогда тоже праздновали. Пели и плясали, запускали фейерверки. А потом случилось то, что случилось. Десятки миллионов стали жертвами войн, революций, неизбежного затем голода и прочих человеческих несчастий. Но теперь есть лишний повод для страхов – переворачивать три девятки в шестерки и пугать самих себя неизбежным пришествием темных сил. Шарлатаны и психотерапевты делают на этом состояния. Конченные мракобесы! Негоже, негоже сдвигать плиты времени, пусть только на один год. Это ни к чему хорошему не приведет. Много потеряет свою опору... Равновесие будет нарушено, почва уйдет у людей из-под ног...

Его визави согласно кивнул головой и продолжил кривить ложку.

– Поглядим, что обо всем, об этом думает старушка Бетельгейзе, – поджарый присел к стоявшему под окном телескопу. Тот был невелик, но снаряжен немалым количеством приборов, с которыми соединялся проводами. – Извольте взглянуть, она простыми и ясными сигналами объясняет нам, что кто-то скоро вступит на невероятно рискованный путь. Насколько я помню, в мифологии она благоволит в военных и атлетических делах... Почти про нас с вами. Или про кого-то еще... М-да... Боевые искусства, или что-то вроде этого... Так и знал, смещение спектра говорит о необходимости предпринять определенные шаги.

Широкоплечий закончил свои манипуляции, положил рядом с чашкой не лишенную изящества металлическую птичку и раскрыл закладкой книгу в потертом переплете.

Сквозь сон Нина отчетливо услышала громкий металлический стук в дверь квартиры и низкий мужской голос: «Нина, беги! Беги, Нина!». Проснулась с тяжелыми ударами сердца, взмокнула. Прислушалась – ничего. Неужели показалось? Ну, вот, опять! И вообще, бежать куда, зачем? Встала, подошла к двери, открыла глазок. На площадке никого не было. Будить мужа? Поднимет на смех, отругает, зачем будить так рано? Ему на работу вставать только через три часа. Что с ней такое? Надо, надо уже идти к врачу. Вернулась в спальню.

Теперь она лежала в темноте ночи и вспоминала прошедший день. Такой же, как и все и почти такой же счастливый. Вот именно, «почти». Рядом лежал Юрка, ее муж, мирно сопел и не собирался просыпаться. Иногда у Нины по ночам начинала болеть голова, она не жаловалась, а просто лежала и старалась думать о хорошем. Например, о том, что она, наверное, должна быть самой счастливой в их многоквартирном, многоэтажном доме. Сколько бы людей она не встречала на дорожке у подъездов, все были какими-то снулыми, невеселыми, задумчивыми. А о чем думать, о чем грустить? Просто надо найти такого мужа как ее Юра, и все само собой станет хорошо. Юрик, Юрок, Юрчик, Юрченок, Юрашка и бог весть, сколько еще имен Нина напридумывала для него, своего самого любимого и единственного. Так она думала еще недавно. А теперь заставляла, уговаривала себя в своем счастье по старой привычке. Теперь счастья почему-то не было.

Прежде ей даже становилось страшно от того, что их встреча на первом курсе техникума могла не состояться. Юра был основательным и правильным парнем, которого не смогли сбить с верного пути дружки-лоботрясы. Как это происходило со многими другими. И Нина старалась быть у него на виду, держать себя спокойно и достойно, не попадать в дурные истории, которые сплошь и рядом происходили с ее подругами. На каждом курсе по 2—3 «внеплановых» беременности, какие-то разборки между девушками, нехорошие разговоры и слухи почти обо всех, кого она знала.

Другое дело она. Старалась, училась, даже не отказывалась от дурацкой никому не нужной общественной работы. И все потому, что Юра тоже был на виду, занимался и своими и чужими делами.

Через два года учебы в техникуме ей стало скучно. Не ее эта бухгалтерия и экономика. Хотелось чего-то реального, связанного с живыми людьми, а не с цифрами. Ушла, рискуя потерять Юру. Но он все понял, поддержал ее. Поступила в медучилище. Училась хорошо и с интересом, Диплом получила не красный, но без троек. Хорошо распределилась, правда, далеко от дома, но зато близко от техникума, где учился Юра.

Как-то само собой все и случилось. Пожились на последнем курсе. Потом беременности, одна, вторая. Теперь ребята выросли. Старший будет поступать в институт, младший весь в своем спорте, уже сдал норматив перворазрядника.

Нина встала тихонько, чтобы не разбудить мужа, прошла на кухню, включила электрический чайник. Простой, на газу был бы экономнее, но он шумный, а она старалась не тревожить своих домашних. Рассвет еще не наступил, но Нина уже знала, чем займется завтра, вернее, уже сегодня. Она только что отработала в стационаре двое суток и теперь у нее были два выходных. Можно не спеша заняться домом, приготовить что-то вкуснее обычного. Хотя она старалась всегда готовить хорошо, с выдумкой, с рецептурой из женских журналов. За окном, на карнизе сидела маленькая птичка, похожая на снегирька, вертела своей головой в разные стороны, наклоняла ее, как будто о чем-то спрашивала.

– Откуда он здесь такой? – Нина открыла форточку, осторожно насыпала горсточку крупы.

Боль в голове не унималась, хотя она с вечера приняла болеутоляющее. Придется снова что-то принять. Или пойти к врачу. Хотя в этом было мало смысла. Врач выслушивала Нину нехотя, с некоторой отстраненностью, ведь нет городской женщины, у которой не болела бы голова.

– А у вас возраст самой беспокойный, – говорила она, период пременопаузы, в сорок лет это нормально. Ведь вы сама медсестра и могли бы понимать. Конечно, Нина понимала. И в отделении, в период своей смены она не жаловалась, было не до этого. В короткие «чайные» перерывы другие медсестры наперебой жаловались на свою трудную долю, безденежье, ленивых и бестолковых мужей. Нина понимала, что ей не следует противопоставлять себя коллективу и хвалиться счастливой своей жизнью. Поэтому понимающе кивала и вздыхала, как и все.

Юра был техническим специалистом в автосервисе, его ценили и давали возможность заработать. Он быстрее других освоил ремонт б\у иномарок, которых в изобилии пригоняли из Европы деловые мужики. Кому-то эти девяностые годы сломали жизнь, а вот ее Юрка сдюжил, нашел себя в таком деле, чтобы уберечь семью от невзгод в эти трудные годы. Дома он тоже все делал и ремонтировал своими руками, не подпуская посторонних слесарей, маляров и прочих мастеров. Он им не доверял.

Иногда Нине казалось, что вся ее жизнь это затянувшийся сладкий сон, который никак не кончится. А Нина и не хотела, чтобы он кончился.

Придется принять еще одну таблетку, подумала Нина. Налила кружечку воды, запила зеленую капсулу, вздохнула. Кровь стучала в затылке, висках, изводила словно молоточками. Молоток – точно, он самый. Юра так и называл жену, когда хотел похвалить. Ты – молоток! – говорил он после вкусного обеда и даже после привычных и недолгих минут нежности. Нина долго привыкала к этому «комплименту». И привыкла. Стала понимать, что это настоящая похвала, что Юра как человек практичный и немногословный, связанный с металлом, с разными тяжелыми работами ценит хороший инструмент. И если ему так хочется, пусть и Нина будет таким инструментом в его жизни. Ей вовсе не жалко. Возможно, если бы муж как-то иначе привечал ее, давал всякие нежные прозвища, ей было бы от этого более радостно. Но когда все слишком хорошо – это опасно. Пусть в ее жизни будет такая маленькая пометка, это прозвище «молоток». Пусть, ведь все остальное – так замечательно!

На завтра у Нины была запланирована встреча с двумя подругами – Катей и Дашей. Они встречались раз в месяц и просто болтали о том, о сем. Подруги тоже когда-то были медсестрами, как и Нина, но уже не работали по первой профессии, занимались, чем —то совсем другим. Даша была в разводе, Катя не была замужем и тому была причина. Обе на каждой встрече недобрыми словами поминали своих бывших, хотя прошло уже несколько лет, как они расстались. Катя и Даша вели беспокойную личную жизнь, своих партнеров они меняли регулярно и все никак не могли найти кого-то путного, стабильного, ответственного. И при каждом разговоре откровенно завидовали Нине, сравнивая свои извилистые жизненные переулки с ее светлой и прямой автострадой жизни.

При этом профессионально обе состоялись, особенно, если считать по «женскому» разряду, да еще в такое непростое последнее десятилетие века. Катя работала фитнес-тренером, Даша была гримером-визажистом, не пренебрегая частной практикой у клиенток на дому. Ее первая профессия дала возможность разбираться в косметологии, и умело манипулировать с внешностью своих клиенток. Их Даша набирала благодаря обширным связям в театральных кругах и в мире кино. Даша старалась быть там, где интересно, и есть содержательные и перспективные мужчины. Но ею двигал не только практический интерес, она много рассказывала подругам из того, что узнала, услышала сама. И это были не только обычное закулисные сплетни и слухи. Она набиралась ума у режиссеров, сценаристов, вникала как могла в творческий процесс и умела объяснить, чем, к примеру, французская новая волна в кинематографе 50-х годов отличается от итальянского неореализма того же периода. Актерствующих мужчин за таковых не считала, а над женщинами издевалась, называла их кривляками, ломаками, истеричками, готовыми ради роли отдаться хоть телеграфному столбу. Ценила только режиссеров, драматургов, то есть мужчин относительно неглупых и нередко состоятельных. И в интимном общении с ними получала и телесное (реже) и духовное (чаще) удовлетворение. Даша гордилась своим художественным вкусом, давая понять подружкам, что в эстетическом отношении она повыше них будет. Однако, как-то сразу наступившие трудные времена наложили свой отпечаток и на этот трепетный и нестойкий к социальным и экономическим потрясениям мирок. Зрители все меньше интересовались театральными новинками и все больше – выживанием и поисками источников дохода.

Катя, пережив потерю и мужчины, и ребенка, долго приходила в себя. Потом стала возвращаться к жизни, посещать курсы для фитнес-тренеров. Фитнес-центры были еще в новинку и квалифицированные тренеры были востребованы. Ее спортивное прошлое и медицинское образование давало ей все возможности для такой карьеры. Одно время она увлеклась единоборствами, ее сложение, рост, сильные руки и прыгучие ноги делали ее потенциально сильным бойцом. Нашла тренера, который бы точно не стал распускать руки. Стала участвовать в боях, и побеждать чаще, чем проигрывать. Призовые для девушек там были мизерные, но ее привлекало не это, а возможность выбросить из себя накопившуюся злость и раздражение от неудавшейся, как ей казалось жизни. В ринге была резка, безжалостна, успевала «набросить» вдогонку уже валившейся на помост сопернице. Набитые в волейболе руки пробивали любую защиту и джеббом и хуком, ноги влегкую доставали киками в корпус и голову. Это далось не сразу, пришлось поработать над растяжкой, присматриваться к девушке-тренеру по стретчингу, даже немножко ей приплатить за помощь. Иногда удавалось дожидаться основательно заигранной видеокассеты с кинобоями иностранных мастеров. Так она узнала про Брюса Ли, Ричарда Нортон, Гэри Дениэлса и других актеров-спортсменов, настоящих героев боевиков.

Кикбоксинг стал для нее и увлечением, и каким-никаким способом заработка и «культурным» слоем. Фильмы, книги, видео, мастер-классы, вся эта среда, преимущественно мужская, ее вдохновляла и толкала вперед и вверх. Стала драться с мужиками. Сначала совсем молодыми, юниорами. Потом постарше. Была травмирована, ей ломали нос, выбивали суставы рук. Она восстанавливалась и возвращалась. Ею увлекались некоторые мужчины, большинству она отказывала, но иногда ее женское начало не могло сопротивляться, но потом следовало неизбежное разочарование. Катя искала для себя еще более сильного и доминирующего в жизни и в то же время заботливого и ласкового именно с ней. Конечно, безрезультатно. Но обе они, и Даша и Катя подолгу не унывали, и к своим сорока годам смотрели жизни прямо в глаза, все еще веря, и надеясь на удачу. Этим привлекали Нину, помогали ей в трудные моменты жизни. И она их поддерживала, как могла. Еще бы, она ведь замужняя, семейная, вся такая правильная.

– Завтра, наверное, опять будут жаловаться ей, и при этом хвастать своими сомнительными успехами у мужчин, подумала Нина.

Так и вышло. На следующий день все трое встретились в кафе недалеко от метро. Через несколько минут, после обмена новостями, подруги завели привычный разговор о мужчинах, точнее о мужиках, как они выражались. Их мнение о сильной половине человечества было очень практичным и циничным. Особенно коробило Нину то, что обе были полностью уверены, что верных мужчин не бывает. Вопрос только в том, с кем и сколько он выпил, и хочет ли этого женщина. Если хочет она, захочет и он. И приводили собственные случаи из своей обширной «практики». Нина собралась, было, напомнить о своем Юре, но тут же осеклась, понимая, что они и его запишут в «козлищи», невзирая на то, что он муж их подруги и никогда ни в чем подобном замечен не был.

Даша рассказала подходящий к теме случай, как она «на раз» подцепила одного знакомого, кстати женатого.

– Была в гостях, без кавалера, приглянулся один, вроде приличный, не пузатый и почти ровесник. И прибегла к испытанному приему. Оказавшись в его поле зрения «нечаянно» поправила чулок, показав ему на мгновение ажурную полоску на бедре. А попозже, когда все хорошо разогрелись, стоя рядом с подружкой и недалеко от того потенциального кавалера шепнула той, как бы на ушко, но достаточно, чтобы он услышал: «Ой, представляешь, так торопилась, даже белье нижнее забыла натянуть». Результата оставалось ждать недолго. Мужик представился и предложил проводить ее домой на такси, так как и сам был навеселе. Дальше все произошло по обычному сценарию.

Тут Нине стало нехорошо, она вышла в туалет, ополоснула лицо водой, посмотрела зеркало. Лице серое, под глазами круги, между бровей морщинки. «Что-то со мной не так», подумала Нина. Вернувшись к столику, извинилась перед подругами и заторопилась домой. Уже в своей прихожей немного отошла, устало опустившись на банкетку. В голове копошились грязные мысли. «А что, если и ее Юрка такой же, только случая не было? Или был?!». Ее снова затошнило, и она пошла в туалет. Вечером старалась быть такой же, как обычно с мужем и с сыновьями. Просто легла пораньше, завтра с утра начиналась ее смена в отделении.

Через несколько дней они возвращались домой после прогулки. Была суббота, дела по дому завершились, и Нина наслаждалась вечерней прогулкой с мужем. Падал редкий снег, ветра почти не было, некоторые снежинки мягко ложились на лоб, щеки, приятно холодили. Они шли молча, Нина держалась за Юркину руку, было скользко. Подошли к подъезду. Вместе с ними почти подбежала незнакомая женщина, муж посторонился, открывая дверь. К лифту подошли вместе. Юра пропустил женщин вперед. Нажали свои кнопки, у них оказался тот же этаж. Кабинка сразу наполнилась плотным чувственным ароматом дорогого парфюма.

– А в лифт первым должен входить кавалер, для безопасности своей дамы, таков этикет – с улыбкой произнесла незнакомка. Муж как-то неловко улыбнулся, не нашелся как ответить, чтобы получилось остроумно, хмыкнул виновато. Незнакомка повернулась к дверям лифта. Нина сразу оценила ее. Среднего роста, стройна, с умело крашеными светлыми волосами. Короткий меховой жакет не скрывал ни талии, и округлых бедер, обтянутых светлыми брюками, заправленными в короткие замшевые сапожки. Нина никогда так не одевалась, и так не пахла, как эта незнакомка. На их этаже та вполборота кивнула в сторону Юры, к Нине это, конечно, не относилось. Вообще, пока они ехала вверх, та ни разу не взглянула на Нину, как будто той и не было. Вышла и быстрым легким шагом направилась в конец длинного этажного коридора, к своей двери.

Войдя в квартиру, Нина молча разделась, внезапно обратив внимание на то, что муж не помог ей снять пуховик. Как, впрочем, и всегда. А той, в лифте, он точно помог бы, – подумала Нина. И не только шубку, возможно – вдруг больно хлестнула ее внезапная мысль. Да, снял бы. И сам разделся. Чувство такой отчаянной ревности было для Нины внове. Как и всякая замужняя женщина, она, конечно, на уровне рефлексов, инстинктов стерегла свое счастье. Отмечала привлекательных женщин в их с мужем окружении, невольно прислушивалась к рассказам женщин об ушедших мужьях и брошенных женах.

Но все это было нормальным жизненным фоном, не имевшим лично к ней какого-то отношения.

Теперь все изменилось. Она никак не могла прогнать эти навязчивые мысли о возможной Юркиной измене, о том, что его к ней интерес за 17 лет их супружеской жизни угас, а для других женщин он все еще лакомый кусочек.

Юра был мастеровит, деловит, почти всегда трезв, занимался домом и сыновьями. Их с Ниной минуты нежности стали намного реже, но ее это не заботило. Потребность в мужских ласках она старалась снять усталостью от домашних и не пыталась чего-то требовать от мужа сверх того, на что он был сам готов.

Что делать дальше она не знала. Броситься в погоню за ушедшей молодостью? Изменить прическу, похудеть, перед приходом мужа надевать чулки и снимать трусики? А как же сыновья? Надо об этом подумать, поехать, что ли куда-нибудь вдвоем? С этими хаотичными мыслями Нина склонилась над нижним ящиком комода, где муж хранил свои инструменты. На глаза сразу попался подаренный ею к его дню рождения молоток. Юра много лет пользовался старым, с деревянной рукояткой, доставшимся еще от отца. Он был еще крепок, но некачист. И вот Нина решила сделать подарок со смыслом. Долго выбирала в строймаге нужный

ей экземпляр. И выбрала. Немецкий, цельнометаллический, с круглым бойком, полиуретановым покрытием рукоятки и расщепленной «косичкой» – гвоздодером на тыле головки. Юра вначале порадовался, но как-то все продолжал пользоваться старым, с деревянной рукояткой и квадратным бойком. Нину это никак не обижало, главное удалась шутка – «вот тебе молоток от твоего «Молотка!» – произнесла она торжественно, намекая на свое прозвище. Муж обнял ее, похлопал по спине как товарища. Получилось забавно, но как-то неласково. Тогда это ее никак не зацепило. А теперь она вдруг поняла, что превратилась вот в такой домашний инструмент. Молоток, одним словом. Нина немного разбиралась в инструментах. Муж-то технарь, объяснял сыновьям что к чему. – Это боек, которым бьют, вот щечки, а это гвоздодер. Похоже на ножки. Этими ножками вытаскивают гвоздь, как если бы женскими ножками зажать покрепче... и потянуть! Ну и мысли у меня – Нина взмокла. Подобная несуразица, ей не свойственная все чаще лезла ей в голову, заставляя ополаскивать раскрасневшееся лицо холодной водой. Ножки и щечки у меня есть и очень даже, а вот боек... Кстати, боек соединяется с щечками узкой талией... Ну, точно, почти моя фигурка, ха-ха! С кем об этом говорить, но не с Юркой же?

Молоток был еще в фирменном пакетике, с этикеткой. Подарок, в общем, как подарок.

Нина взяла его в руку, подняла, Он был тяжелым, тяжелее прежнего. И вдруг резко опустила вниз. Молоток едва не выскользнул из руки, упаковочный пакет скользнул в ладони. Нина осторожно расклеила верх пакета, достала инструмент. Рукоятка мягко легла в руку. «Что бы мне разбить?» подумала Нина. Прошла на кухню, нащупала грецкий орех в дальнем углу верхнего шкафа, где хранила не портящиеся продукты. Положила на столешницу, осторожно стукнула. Орех треснул, из него вывалилась полусгнившая почерневшая сердцевина. С липким, прогорклым запахом. Снаружи красиво, внутри гниль, подумала Нина и сразу вспомнила случай в лифте.

– Эскортница, как-то сразу непривычно жестко и четко сформулировала она для себя она. – Просто спит за деньги. Приехала к кому-то по вызову. Или снимает квартиру, чтобы заниматься там грязными делами с мужиками. Оттуда и деньги на духи, шмотки все прочее.

Нина присела на стул, обхватив голову руками. Головная боль сливалась с горячими, беспокойными мыслями, спутывалась в клубок, в плотный пульсирующий шар, распиравший голову изнутри. Нина побежала в туалет, ее стошнило. Почему-то вспомнилось, как она покупала этот самый молоток. Необычно вышло. Увидела по дороге в автобусе магазинчик «Хозтовары». Вышла, вернулась метров на сто пятьдесят назад. Магазинчик стоял немного в стороне от домов, в глубине дорожки, кончавшейся тупичком, он не был частью торгового центра. Над крыльцом кирпичного особнячка давней постройки был надвинут металлический козырек с коваными кантами. С обеих сторон были подвешены аккуратные кормушки для птиц. Они были обернуты слоями пузырчатой пленки, видимо для утепления, окошко было маленьким, подходящим только для воробушка, или синички. Как раз в тот момент из окошка выглянула маленькая голова с острым коротким клювиком, повертела из стороны в стороны и снова скрылась в темноте этого уютного птичьего кафе. Во вторую кормушку влетела желтобокая синичка, за ней другая.

– Странно, подумала Нина. Магазин типично мужской, вот, привечают птичек. Значит, добрые люди. Или их жены этим занимаются?

– Жизнь всюду, птичкам хорошо, а вот мне? – подумала Нина, вспомнив тот день. Тогда еще не было таких головных болей и не преследовали мысли о возможной Юркиной измене.

Внутри было темновато, стоял приятный обонянию любой опытной и хозяйственной женщины микст настоящих мужских «рабочих» запахов – металла, древесины, воска, каких-то красок. Но все в меру, ни один из них не довлел над другими. И еще был аромат дорогих сигарет с какой-то начинкой, а также только что сгоревшей серной спички. За прилавком было двое продавцов. Первый сразу обратился к Нине, дежурно улыбнулся. Вид у него был странноватый. Высокий, жилистый, с копной всклокоченных волос, торчавших словно рожки. Уши его были острыми и оттопыренными, взгляд необычной – страдал, видимо, расходящимся косоглазием. Лицо книзу оканчивалось растрепанной бородкой, подвернутой внутрь и это придавало ему какой-то козлий вид. Нина попросила показать молотки получше и подороже.

Он прошел вдоль прилавка странной подпрыгивающей походкой, напевая незнакомую Нине мелодию, принес несколько молотков. Все они были эффектные, но Нине особенно понравился тот самый, черно-желтый, цельнометаллический. Продавец подбросил его в воздух, дал крутнуться в полете три раза и ловко поймал в свою большую волосатую руку. При этом Нина могла поклясться, что молоток взлетел не просто вверх, но и немного в сторону, описав дугу, словно бумеранг. Возможно, это ей просто показалось.

– Странный тип – подумала Нина. Тот передал ей талончик в кассу. За кассой восседал, иначе не скажешь, широкоплечий дядька с короткой мощной шеей, сверкающей ранней лысиной и коротким курносым носом с широкими ноздрями.

– Точно свинья, то есть хряк! Нина едва не засмеялась. Хряк взглянул на талончик, не поворачивая головы и даже почти не открывая глаз, его веки оставались полуприкрытыми. Что-то нажал в кассе, чек выпал на столик, кассир слегка дунул носом в сторону Нины и чек оказался у нее в руке. Нина замешкалась, достала деньги.

– Не надо денег, осклабился козлоподобный. У нас именно сегодня акция, каждый шестой покупатель получает приз, если цена товара меньше, чем шестьсот шестьдесят рублей.

– Сегодня шестой день недели, суббота, вот мы и радуем всех вас! – добавил он, покачивая головой и слегка встряхивая бородкой. Ура!! Вдруг заорал он и почти подпрыгнул на месте. Хряк никак не реагировал на происходящее, и, казалось, снова задремал.

– Ого, подумала Нина, вот это удача!

– Только вы чек не выбрасывайте, положите в кошелек, может, он вам еще какую-то удачу принесет?

Как он про удачу догадался, я ведь только про нее подумала?

Но Нина уже торопилась, и, кивнув им обоим, вышла на улицу.

Прошло почти две недели. Нина привычно принимала обезболивающие, теперь уже ежедневно по 3—4 таблетки. Наконец-то ее записали на исследование головного мозга, правда ждать придется больше недели. Даже для медсестер никаких поблажек, злилась Нина. Очередь, почти как для всех. Раздражение, которое она едва сдерживала дома, иногда прорывалось на работе. Изнуряла монотонность и однообразие. Раньше она даже находила азарт в том, что взять кровь, или сделать внутривенную инъекцию мягко, с похвалой от пациентов. Теперь ее бесили эти неповоротливые беспокойные создания, иногда дурно пахнущие, неряшливо одетые. Она сдерживала себя, как могла, чтобы не нагрубить этим задумчивым и туповатым старикам, которые составляли большинство обитателей палат.

Дома все это рассказывать было бесполезно, Юра отделается дежурными словами, «не парься, не зависай на этом, расслабься, или вообще уходи отсюда». Спасибо хоть на этом. У других мужа и партнеры вообще не вникают в дела жены, даже не пытаются что-то понять, подсказать, хотя бы изобразить интерес.

Нина вздохнула. И сразу же вздрогнула от открывшейся ей простой и очевидной вещи. «Надо эту тварь просто убить». Да вот так просто. Если ее не будет, все само собой наладится. Муж не начнет гулять и ей не придется вступать в это огромное сообщество терпеливых баб, которые все знают, но еще на что-то надеются. Уйти от мужа, или попытаться выгнать его, было чем-то из области фантастики, она слилась с ним воедино, и их раздельное существование нельзя было даже представить.

Но есть вот такие твари, грязные продажные бабы, которые разрушают счастье других людей. И жить им ни к чему. Нине стало легче, появилась цель, можно было занять разбегающиеся, тревожные мысли. И вообще, Нина любила что-то планировать, представлять, как она справляется с трудностями, чего-то добивается. Это как в школе, или в училище, когда ее хвалили за аккуратность и усидчивость. А в последние годы ничего, кроме «молотка», она от мужа не слышала. Молоток, так молоток, подумала Нина. И сразу поняла, как надо действовать. Молотком!

Прежде всего, Нина занялась изучением ситуации с этой соседкой. Надо понять, живет ли она постоянно в нашем доме, или приезжает к кому-то. В течение недели Нина следила за подъездом по утрам и вечером, когда была дома. Видела ее дважды, значит, бывает регулярно. Теперь бы встретить ее ненароком в лифте, подумала Нина. Такой случай представился. Но как назло, они были вдвоем с Юрой, выходили на вечернюю прогулку. Она их любила за возможность просто идти рядом с ним, держать его за руку, давать понять всем встречным прохожим, что она вот с мужем, вот они даже никуда не торопятся, просто гуляют, как будто все еще влюблены.

У подъезда столкнулись с незнакомкой. Интуитивно почувствовала, как напрягся Юра. Пересилив себя и подавив нарастающую обиду и злость, улыбнулась той, замедлила шаг.

– Как поживаете?

– Спасибо, хорошо, – ответила та с некоторым недоумением.

– А мы вот хотим познакомиться, всегда хорошо знать тех, кто живет по соседству. Нина все еще была напряжена и не столько из-за этого нелепого диалога, сколько из-за молчания мужа, которому пора было что-то сказать. Видимо совсем ошалел от этой крашеной сучки.

– Ну, хорошо, я Анна, тут недавно живу, район подходит.

– А мы, я, Нина и мой Юра, тут давно, и нам подходит. Если что, мы живем дружно, по-соседски. Кстати, муж в автосервисе, я в больнице работаю, изобразила из себя деловую женщину Нина.

– Очень хорошо, и то, и другое, не дай бог, может пригодиться. Тем более, я машину буду менять, может, что-нибудь присоветуете, улыбнулась она Юре. Да, подумала Нина, уж ты присоветуешь, на заднем сидении, без тросов.

Коротко кивнув, Анна дала понять, что разговор закончен, холодно улыбнулась, кинула взгляд на Юру, пошла в дом.

Сердце у Нины колотилось, ей надо было успокоиться. Потянула мужа за собой.

– Не знал, что ты такая у меня активная. И про соседей дружных не знал, усмехнулся Юра.

– А вот я тоже не знала, что тебе нравятся такие бабы, сорвалась Нина, ты вообще дар речи потерял!

Да что с тобой? – Юра высвободил руку. Не устраивай сцену, давай просто погуляем! Нина взяла себя в руки, стала дышать ровнее, уже другим, спокойным и усталым голосом проговорила: «Да ладно, это я так, просто устала, и голова болит, давай пойдем, поздно уже».

В любом случае встреча оказалась результативной. Эта Анна именно жила здесь, значит, теперь можно планировать задуманное.

Через пару дней план созрел. Оставшись дома одна, Нина решила его реализовать.

В левой руке был пакет со всем необходимым. Нина посмотрела в дверной глазок, оглядела площадку, было безлюдно и тихо. Нина вышла в коридор, прошла в его дальний конец. Нажала звонок, повторила. Дверь отрылась, Анна стояла в домашнем халате, спортивных брючках и меховых тапочках. Квартира была наполнена ее тошнотворным ароматом. Удивленно вскинула брови: «Это ты, в чем дело?». Она явно не ждала визита. Она одна, с мужиком в таком виде не общаются, – сообразила Нина.

– Есть небольшое дело, Аня, есть пять минут?

– Ну, давай, что у тебя? – Анна была явно раздосадована этим визитом. Рядом с Ниной не было мужика, мужа, а значит, она никто, тварь дрожащая, ничего из себя не представляет и уважения к ней ноль. Так ведут себя все содержанки, Нина понимала расклад, как, впрочем, его поняла бы любая взрослая женщина. Аня все еще стояла лицом к ней, вглядываясь в Нину в темноте прихожей.

– Кое-что для тебя принесла.

– А, ну давай, проходи. Анна, очевидно, решила, что Нина хочет угостить ее своей стряпней, как дружелюбная соседка. – Ты в тапках? Ок, идем на кухню.

Вот, подумала Нина, только сейчас!

Натренированным за последнюю неделю движением достала правой рукой завернутый в целлофан и перемотанный скотчем молоток. Почти без замаха ударила в то место, где шея переходит в затылок. Нина знала, что теменные кости очень прочные, так просто их не пробить, а вот в основании черепа позвоночник более уязвим. Анна словно споткнулась, подняла руку то ли для защиты, то ли для равновесия и упала на колени. Нина ударила еще дважды, уже с замахом, в левый висок. Анна, легла на живот, застыла. Нина достала латексные перчатки, привычным движением натянула на руки. Вынула веревочную петлю, надела на шею жертвы, продела под веревку рукоятку молотка и трижды провернула. Шея выше сдавления надулась, покраснела, кожа головы посинела, резко отекала. Анна слабо захрипела, несколько раз дернулась и затихла. Нина подержала свое орудие еще несколько секунд. Потом аккуратно вынула

молоток, припасенными ножницами разрезала веревку. Бросила это все в пакет. У двери задержалась. «Хорошо бы изобразить ограбление», чтобы следствие запутать. Но было опасно задерживаться в чужой квартире на несколько лишних минут. В глазок оглядела коридор. Все было также тихо и безлюдно. Открыла дверь, скользнула к своей квартире. Вошла и сразу стянула перчатки.

Состояние было странное. Ее немного лихорадило, но в голове приплясывали мысли: «Я смогла, я сделала это сама, больше эта дрянь мне не опасна!»

Пора было уходить из дома, чтобы засветиться перед кем-то, кто ее знает. Кроме того, надо избавиться от улики. На улице огляделась, прошла в соседний двор, потом в следующий, бросила туда сначала тщательно промытые, а потом мелко нарезанные перчатки, целлофан от молотка и пакет. Веревку тоже нарезала кусочками и раскидала по разным контейнерам. «Если не хватятся до утра, все это будет на свалке», спокойно взвешивала она. Было странно спокойно, головная боль отступила, в голове было ясно, как в комнате, куда заглянуло летнее солнце.

Теперь быстро в ближний магазин, где ее знали все продавщицы. Походила между стеллажей, перекинулась ничего не значащими словами с девушками за кассой. Как бы проговорила, что с самого утра ходит по магазинам, закупается, хочет приготовить особенный ужин для своих мужчин.

Лежа ночью рядом с мирно сопящим мужем, еще раз, словно в перемотке видео просмотрела мысленно все, что случилось днем. Осталось только еще раз заучить ответы для следователей.

Через день, вернувшись с работы уже ближе к десяти вечера, застала мужа, сидящим на кухне с полупустой бутылкой водки. Это случалось очень редко.

– Аню, соседку нашу убили. Забили топором, или молотком. Его лицо было каким-то серым, и словно сдутым, как старый футбольный мяч. Такой валялся в комнате у сыновей.

На Нину вновь навалилась тяжелая злоба. «Жалеем эту... Меня бы пожалел. Еле со смены притащилась, отделение забито, сестер мало, на всех двойная нагрузка. А он сидит, грустит». Пришлось с усилием изображать удивление, причитать для вида с четверть часа по-бабьи. Через несколько минут таких вымученных сожалений прошла в ванную и занялась собой.

Следователи заявили на следующий день. Они обходили весь дом, беседовали со всеми, кто мог что-то видеть в тот день. Нина надела на лицо маску типичной женской скорби. Да, была дома. То есть ушла из дома утром и вернулась к обеду. Нет, никого не видела. Нет, ничего не слышала. Да, виделись пару раз, приятная женщина, выдавила из себя Нина. Юра старался, пыжился, изображал из себя, то ли Холмса, то ли Пуаро. Эдакий пронизательный эксперт со стороны. Выдвинул версию, дескать, все было подготовлено, значит, месть любовника, или каких-то жестоких кредиторов. Следователи для вида посидели еще пару минут, что-то черкнули в блокнотах и ушли.

Нина почему-то была уверена, что никакого обыска у них проводиться не будет. Они не подозреваемые, даже не свидетели. Молоток лежал на своем месте в нижнем ящике комода. Теперь они с Ниной настоящие сообщники и пойдут до конца.

Приближался день рождения младшего сына. Такие даты всегда отмечались с родными и друзьями. В эту субботу решили пойти в кафе, занять там два больших стола, для взрослых и друзей сына. Со старшим такое уже не проходило. Он отмечал с друзьями, без взрослых, но при этом приходил почти вовремя, вином от него не пахло. Поэтому Нина с мужем были спокойны и уверены, что все делают правильно. Иногда отмечали на природе, на даче, с шашлыками и музыкой. Иногда – на квартире. Но сейчас у Нины просто не было сил готовить праздник, стоять у плиты, что-то придумывать.

Придется потратиться на угощение в кафе, зато не надо будет потом допоздна заниматься уборкой.

И вообще некогда было думать об этом. Завтра ей идти на обследование, которого она ждала и боялась. Внутренние решения она уже приняла. Если что-то плохое, придется говорить с мужем, что-то объяснять сыновьям, жизнь изменится и все станет другим. Ей становилось не по себе от таких мыслей, она старалась думать о чем-то хорошем, но не получалось. Выходило, что до дня рождения сына ничего не скажешь, не портить же всем праздник. Значит, придется терпеть, ждать несколько дней. И это лежало на душе тяжелым, не сдвигаемым камнем.

Аппарат гремел, гудел и потряхивался. Нина не боялась закрытого пространства, но было не по себе от этого угрожающего гула огромной железяки. Она была явно блу, доставлена совсем недавно по гуманитарной помощи, как и многое другое медицинское оборудование. Пару лет назад ей пришлось делать такое обследование, когда она свернула себе спину, занимаясь с тяжелыми больными в своей палате. Приходилось поднимать и ворочать огромного необъятно-толстого мужика, который даже не пытался ей как-то помочь, хотя был в сознании и даже не парализован. Просто лежал и пыхтел. Как казалось Нине нарочно. Пару дней назад он погладил ее по бедру, слегка шлепнул и сказал, что после выздоровления обязательно навестит. Вот урод! Нина тогда стряхнула его потную руку и ничего не сказала. После того случая мужик вел себя по-хамски, грозился написать жалобу и при этом намекал на возможные будущие отношения. Таких идиотов в мужском отделении хватало и поэтому Нина так ждала перевода в женское. Итак, она все же надорвала себе спину, пытаясь развернуть его отвратительную жирную задницу, и поэтому невролог назначил исследование позвоночника. К счастью, ничего серьезного тогда не нашли, и Нина вылечилась гимнастикой и таблетками.

В этот раз, видимо, гимнастикой дело не обойдется, горько усмехнулась она.

Заключения врача ждала долго. Вышла сестра, позвала в кабинет. Уже нехорошо, раззуют, отметила Нина про себя. Обычно вручают бумагу и уходят к себе в кабинет.

Доктор, молодая женщина в очках пригласила присесть и быстро рассказала, что у Нины есть образование в тканях мозга. Скорее всего, доброкачественное, но, видимо, растущее.

Обязательно идите к неврологу и поскорее, – заключила она. Вас направят к нейрохирургу, и там будут решать, как и когда оперировать. Без этого не обойтись. Сейчас лечат с хорошими результатами, не бойтесь. Тем более, вы медработник, к вам отнесутся внимательно. Она откинулась в кресле, давая понять, что разговор закончен. От нее пахло хорошими и дорогими духами, под халатом было видна загорелая кожа бедра. Чулков на ней не было. Да, тут душно-вато, подумала Нина и вышла.

Домой ехала дольше обычного, думая об операции, дне рождения сына и молотке.

На семейный праздник собралось почти двадцать человек, включая друзей сына. Заняли небольшой зал кафе полностью. Все шло спокойно, пока не появилась мать Нины. Светлана Петровна была женщиной шумной, активной, любительницей выпить и погулять. Ее свободный образ жизни и свел в могилу раньше срока мужа, так думала сама Нина. Она так и не простила ей раннюю смерть отца. Света не сумела повзрослеть до своих почти шестидесяти лет. Одевалась как девушка на выданье, обрисовывая плотные складки кожи на животе и бедрах майками, узкими брючками и прочими совсем не ее возраста одеяниями. В отношениях с мужчинами была раскована и неразборчива. Нина всеми способами избегала встреч с матерью, но иногда они были неизбежны. Мама могла начать заигрывать прямо в компании, не разбирая, кто чей мужчина, что вызывало недоумение окружающих, обиды женщин. Нина стыдилась матери, но та находила поводы и причины заявиться и без приглашения. На этот раз и приглашения не требовалось, она пришла к внуку на праздник, и даже с подарком – не затрудняя себя размышлениями, принесла три тысячи рублей в конвертике. Сын был рад, он сам выберет, чего ему хочется. И, значит, бабушка снова угодила внуку.

Нина даже не стала просить мать вести себя скромнее и спокойнее, знала, что это бесполезно. После первого же бокала вина, та «молодела» на глазах и начинала выискивать себе кавалера для танцев.

Но у Нины вдруг возникла другая забота. Весь вечер Юра почти не отходил от своей двоюродной сестры – Ольги. Та была моложавой стройной женщиной чуть за тридцать, подтянутой и энергичной. В юности слыла певуньей и плясуньей, желанной душой любой компании. Легко вышла замуж, легко развелась, предусмотрительно не рожала, берегла фигуру. Теперь делала карьеру. У нее было высшее образование по языкам, она начала с должности торгового представителя в совместном предприятии. За пять лет стала директором направления, сменила три машины, причем не своих, а от фирмы. Одевалась и пахла все дороже. И не старела. Вероятно, хорошие деньги, которые не тратились на семью, полностью уходили на косметологию и фитнес. Эта Ольга всегда было занозой в душе Нины. Всем она выходила лучше – и работой, и внешностью, и достатком. Правда, не было детей, так та и не переживала, жила для себя. Мужчин выбирала долго и основательно. По отрывочным рассказам мужа, некоторым репликами и оговоркам, Нина знала, что у Ольги была своя стратегия успеха. На работе она давала только начальникам-мужчинам и только после долгих уговоров и гарантий карьерного роста. При этом «для здоровья» находила парней-ровесников и даже моложе, с которыми кувыркалась до изнеможения. Любила найти себе партнера на отпуск, чтобы провести его с пользой для тела и женской психики. Это очень поддерживало ее самооценку и добавляло уверенности в себе.

С Юрой у них были свои непонятные Нине отношения. Они могли долго разговаривать о чем-то своем. Например, о политике, об экономике, автомобилях и на прочие малоинтересные и малопонятные для Нины темы. Мужа интересовало ее мнение о том, что будет после кризиса прошлого, 98-го года, встанет ли экономика на ноги, не будет ли безработицы?

Когда Нина приближалась к ним, оба замолкали, делая вид, что в их разговоре наступила пауза. Она меня считает дурехой, – Нина становилась все злее и злее. Тоже мне премудрость, быть давалкой на работе. Вот обе мои подружки, они честнее, дают им деньги, там, подарки, берут, а не дают, ну и ладно. Встречаются с мужиками потому, что сами так хотят, а не потому, что выгодно. Вот сделать тебе еще пару дырок, но только в голове, сразу одумаешься. Нина подошла к этой парочке, посмотрела пристально на каждого.

– Как дела, Оленька? – спросила неестественно приторным голосом.

– Спасибо, все хорошо, а у тебя? Ольга держалась уверенно и снисходительно. И сразу продолжила громко, так, чтобы все слышали: А давайте споем! Встала, поправила платье так, чтобы подчеркнуть обводы своего все еще молодого и подтянутого тела. Прошла в гардеробную, взяла футляр с гитарой. Послышался гул одобрения гостей. Ольга запела невысоким, чуть глуховатым голосом, медленно перебирая струны. Все слушали, никто не подпевал, напротив, старались не мешать. Пела по-английски, балладу о несчастной любви. В паузах с переборами переводила на русский, все успевала, к месту улыбалась, к месту делала грустный взгляд.

Когда закончила, все захлопали, наперебой просили исполнить что-то для каждого. Нина вышла на балкон. Да, она точно заграбастает моего Юрика – дурика. А почему бы нет? Детей она не хочет, есть двое взрослых парней, ими и заниматься бабе нечем. Только за питанием следить. А с деньгами можно и не готовить. Статус свой поднимет, перетрах с замужней всегда стоит дороже. Во-первых безопаснее, во-вторых увлекательнее. Окрутит Юрака – дурака, если уже не окрутила, а потом будет ему мозги пудрить своими задержками на работе и командировками в местные отели. Статус замужней ей и в карьере поможет, тем более декреты ее карьерному росту не грозят. Отбивать своих деловых партнеров и начальников у их жен и не просто, и опасно. Те тоже не лыком шиты, про своих благоверных все давно знают. Могут и нанять кого надо.

– Времена стоят лихие, – думала Нина. За последние несколько лет она не раз слышала, что там и тут была перестрелка, бандиты делили рынок, или автосервис, или ресторан. Она переживала за мужа, его автосервис тоже принадлежал какому-то «крутому» бизнесмену с темным прошлым и что там впереди, было совсем неясно.

Торжество завершилось пьяненькими поцелуями, обещаниями и пожеланиями. Сам именинник гулял где-то с друзьями неподалеку, иногда забегая за перекусами для своей компании. Нина вышла из кафе на воздух. Идти до дома было недалеко. Юра рассчитался и подошел к жене. Шли молча. В голове у Нины шумело, голова немного кружилась, но не болела. В лифте прислонилась к стене, очень захотелось все высказать, выкричать, выплакать. Но сдержалась, только сжала в кулаке правой руки невидимую рукоятку молотка.

Следующая неделя была очень важной. Надо было все сообщить на работе, объяснить мужу, что к чему и главное, успеть сдать все анализы и найти клинику, где она будет оперироваться. Было очень неохота снова идти по врачам, собирать бумажки и терять при этом время. Но выхода не было. В воскресенье, пока ребята были, кто где, сказала мужу, что очень больна, нужна срочная операция, после которой может произойти все, что угодно. Юра принял это с недоверием, потом не на шутку испугался, стал нервно ходить по комнате.

Нина смотрела на него со снисхождением. А что ты можешь, чем ты меня поддержишь? Сыновья почти самостоятельные, живут своими увлечениями, планами. Им нужны только деньги. Тут бы ему стать ближе, выслушать, пожалеть, просто прижать к себе.

Но вот строит из себя делового, грозитя найти знакомых по автосервису клиентов-врачей, кто-то у него есть, надо позвонить, выяснить... Ну, конечно, выяснить. А какой врач нужен, какая клиника? Ты хоть слова «интервенционная нейрорадиология» выговоришь со второго раза? Ну да ладно, не его это все вина. Просто вот так все складывается.

Утром в понедельник Нина подошла к старшей медсестре отделения, все ей рассказала. Коротко, конкретно, как та любила. Старшая посмотрела на Нину внимательно, почти испытующе, как будто в первый раз видела.

– Ладно, я все поняла. Раньше надо было все устраивать и мне сказать. Ты вот что. Иди, работай, через час подойди, поговорим —старшая склонилась над бумагами, давая понять, что общение закончено.

Часа через полтора Нина подошла к ней.

– Прямо сейчас иди к заведующему, покажи свои бумаги, он знает. Поговорит с тобой. Ступай.

Идти к самому, к БМВ? Так все называли заведующего отделением. Его инициалы, Булат Максудович В. как раз складывались в это сокращенное название автофирмы. БМВ был для Нины кем-то из другого мира, просто небожителем. Уже за пятьдесят, но молодежавый, очевидно не пьющий, и не курящий, с короткими седыми волосами на голове (и такой же седой на груди, наверное), быстрый и немногословный, БМВ как профессионал имел авторитет во всей клинике. Говорили, что он начинал и работал как хирург, потом оказался в спасательном отряде в Армении, когда там при землетрясении погибли многие тысячи людей. Их вытаскивали из-под завалов в декабрьский мороз, кого-то спасали, кого-то хоронили. БМВ не только оперировал, но и помогал спасателям. Повредил руку, после чего из хирургии пришлось уйти. С тех пор лет пятнадцать прошло... Много учился, работал, говорят, за границей. Его приглашали в другие отделения на сложные случаи, так как у него была уникальная эрудиция в разных клинических направлениях. Он сам проводил при необходимости эндоскопическое и ультразвуковое исследование, умел делать дуральные блокады, деблокировать позвоночник и снимать боль. Когда в их клинику приезжали иностранцы, его звали как переводчика. Говорят, он не только переводил медицинские разговоры, но и шутил на разных языках.

Нина слышала это все, но к себе никак не относилась возможность общения с таким человеком. Кто он и кто она? БМВ иногда коротко общался с медсестрами, причем помнил, о чем

говорил с ними хоть неделю, хоть месяц назад. Любил пошутить, но как-то не всегда понятно, скорее, для себя, чем для других. Как-то старшая сказала прибраться в ординаторской и в его кабинете, в клинике совсем не хватало санитарок. В его кабинете Нина увидела заставленные книгами три полки шкафа, и еще несколько лежали на столе. На двух, или трех она увидела его фамилию. Там были и обычные, не медицинские книжки, даже фантастика. На столе не было ни фото семьи, ни каких-то сувениров. Все было лаконично, по-деловому. И сам он был такой, все только по делу, разговаривал коротко, не любил долгих рассуждений.

Нина знала, что пятиминутки в их отделении были самыми короткими и конкретными. В других отделениях, особенно в тех, где заведовали женщины, обязательно возникали споры, всплывали сплетни, претензии, выяснялки, какие-то личные обидки и прочая словесная «шелуха», поэтому люди возвращались к работе без настроения и отсутствием четкого понимания своих задач. А у них все выходило из ординаторской, зная, что и как делать. Поэтому ее собственный опыт заставлял искать место работы, где бы решения принимали мужчины. Не то, чтобы женщины были глупее, просто все у них выходило долго, вязко, неопределенно, с постоянными сомнениями, передумываниями, выяснениями кто, что, когда, про кого и кому сказал и т. д. С мужчинами было проще, конечно. БМВ никогда не повышал голос, просто задавал такие вопросы, что провинившийся сам понимал, где накосячил и сам искал возможность исправить свою ошибку. Да, с заведующим им повезло!

Нина постучала в дверь кабинета, услышала короткое «да».

Заведующий сидел за столом и листал чью-то историю болезни.

– Садись, коротко бросил он. Вначале он со всеми сестрами знакомился только на «вы». Потом сразу спрашивал согласия обращаться на «ты». С врачами только «вы», хотя сами они, конечно, тыкали и друг другу и сестрам.

– Я посмотрел твои результаты, надо оперировать. Странно, что ты так долго терпела, теперь надо догонять упущенное время. Сегодня работаешь до вечера?

– Да, смена до шести, я не суточная в этом месяце.

– Ок, зайди ко мне в половине шестого.

Нина поняла, что прием окончен. Вышла, постояла. В голове крутились мысли: А что будет в половине шестого? К чему мне готовиться? Зашла в раздевалку для сестер. Посмотрела в зеркало. Да, вид неважный. Уставшее после именин сына лицо, волосы неухоженные, почти нет косметики, даже разрешенной.

В обед метнулась в магазин в двух кварталах от клиники, выбрала, вспомнив разговор с подругами, пару чулок с широкой резинкой. Вернулась в отделение, зашла к старшей.

– Выдайте халат, замарала брючки, попросила Нина насколько возможно виновато. Да, на брючках от медицинского костюма виднелись бледные пятна.

Старшая по-женски внимательно посмотрела на Нину. В ее взгляде был вопрос, но она оставила его при себе. В конце концов, девчонке осталось, возможно, всего ничего, не буду ее напрягать, подумала она.

Выдала похрустывающий свежестью халатик. Нина переодевалась не спеша, натянула чулки, разгладила. Халат был свободным, но талию акцентирую только к пяти часам, непривычно зорко мыслила Нина. Едва дождалась назначенного времени. В отделении было спокойно, лекарства розданы, капельницы поставлены и сняты. В кабинете БМВ было тихо. Он сам все также листал истории.

– Пойдем, -БМВ открыл дверь, вместе они прошли по коридору, зашли в диагностический блок. Там стояла аппаратура, он сам проводил некоторые исследования.

– Посмотрим сосуды шеи и головы. Это позволит оценить состояние кровотока и наличие нарушений в артериальном и венозном бассейнах.

Нина легла на кушетку. Доктор включил аппарат, нанес гель и стал смотреть шею. Потом переместил датчик на голову, область висков, темени, потом перевернув Нину на живот,

область затылка. Пока смотрел, молчал. Другие врачи обычно что-то бормочут, комментируют, сами с собой рассуждают. БМВ молчал, пока все не закончил.

– Вставай, голова не кружится?

– Нет, все нормально, даже меньше болит – сказала, чтобы как-то сделать ему приятное.

– Знаешь, видны проблемы в бассейне средней мозговой артерии справа, давление повышено, скорость кровотока нестабильная в разных отделах мозга. И отток венозный не идеальный. Короче, новообразование действительно есть. И оно мешает кровотоку, растет внутричерепное давление, болит голова. Обычно по ночам и как бы распирает?

– Да, примерно так.

Вместе с врачом вернулись в его кабинет.

– Присядь, хочешь кофе?

– Нет, спасибо. И тут же осеклась. Что это я, меня угощают, отказываюсь как девчонка пугливая.

– А впрочем, да, можно. БМВ насыпал в чашку ложечку, размешал с каплей кипятка, снова добавил воды. Потом плеснул сливки из пакетика.

– Вот капуччино по – врачебному, с улыбкой пояснил он. Ты не за рулем?

– Нет, конечно.

– Тогда можно, и капнул чего-то очень тягучего и ароматного из темно-коричневой бутылочки.

– Рижский бальзам, пояснил он. Призраки прошлого еще радуют нас, добавил с усмешкой.

Нина не поняла, о чем это он. Кивнула с деланной улыбкой, поддержала, дескать, разговор.

Нина планировала затянуть на талии халатик, сесть нога на ногу, как учили девчонки. Быть соблазнительной и немножко доступной, но в пределах разумного. Но это все как-то вылетело из головы. Она сидела с чашкой в руках, почти на краю стула как робкая студентка на экзамене у строгого профессора, настольная лампа слабо подсвечивала стол и лицо БМВ. Голова слабо пульсировала, но это от работы. Тут было все как-то спокойно и вообще не хотелось никуда ехать, месить городскую снежную жижу, входить в квартиру, где ждали только заботы и проблемы.

Заведующий объяснил, что в понедельник-вторник ее положат в хорошую клинику, ее оформят через квоту, платить не придется. Но надо в любом случае успеть взять заключение онколога, встать у него на учет.

– Вот список обследований для операции, посмотри, что уже есть, остальные бегом доделай к пятнице. БМВ был конкретен, голос звучал спокойно и уверенно.

– Все будет нормально, ты молода, клиника и хирурги там хорошие, восстановишься быстро и вернешься к нам, так и будет, уверенно заключил он.

Нина так ждала этих слов от умного и сильного человека, мужчины. Который свои мысли и переживания превращает в дела, в поступки, а не в сопли.

– А благодарить ведь тоже надо? -вставила Нина, она знала порядки и лучше чем-то хирурга отблагодарить, мало ли что потом может произойти.

– Об этом не переживай, муж работает?

– Да, он при хорошей работе.

– Ну, значит, проблем не будет, если что-то понадобится, дам знать. Не об этом сейчас думай. И вообще не думай, женщинам это не идет, просто жди, что все закончится хорошо.

Встал, взял чашку из ее рук. Нина поняла, что ей пора.

У самой двери БМВ окликнул:

– А как будешь домой добираться? Кто-то провожает тебя?

– Да нет, как обычно, автобус, метро.

- Это непорядок, выходи на стоянку, ровно через десять минут там встречаемся.
- Не надо, залепетала Нина, я сама.

БМВ даже когда слушал, занимался своими делами. Внимания на ее слабое возражение не обратил.

Нина поняла, что ей лучше не спорить. Быстро прошла в раздевалку, встала перед зеркалом, окинула себя критическим взглядом. Все та же, блин горелый, Нина Маслова. Какое-то осевшее лицо, округлые плечи, полноватые бедра. Втянула живот, встала в профиль. Грудь еще ничего, не обвисла, значит, есть еще надежда, мысленно усмехнулась Нина.

Вышла во двор больницы, поискала взглядом машину, наверное, будет BMW. Но нет, подъехала незнакомая ей иномарка. Вот дела, на водительском сидении никого! А, это праворучка, догадалась Нина. БМВ вышел, открыл ей дверь. Нина села, огляделась, стильный салон, панель приборов необычная, сидеть очень удобно. Раньше она думала, что на праворуких ездят только малоимущие и фанаты японок из Сибири. Почему он выбрал такую?

БМВ понимал, какие вопросы крутятся у Нины в голове.

– Ожидала BMW?

– Ну да, призналась Нина.

– Если машина, то японская, если женщина, то русская, простовато пошутил он.

Они ехали по мутному вечернему городу, работали дворники, музыка была тихая, приятная.

– Куда в отпуск? – переменял тему разговора БМВ.

– Пока не думали, да стоит ли об этом думать сейчас?

– Конечно, именно об этом, именно сейчас. Важна твоя установка на скорейшее выздоровление, собственные мысли готовят твоё тело к разным сценариям. Не загружай в голову негативный прогноз.

– Буду стараться, ответила Нина. Я бы постаралась, продолжала думать она, рядом с вами, на заднем сидении. И тут спохватилась. Такая мысль была совсем неожиданной. Но она уже завладела ею.

– А куда бы вы посоветовали ехать?

– Была в Европе?

– Нет, мы обычно в деревню, или на море, дети, и вообще... Ей не хотелось упоминать о материальных проблемах в семье.

– Тогда вместе с мужем запланируйте, сэкономьте, но съездить надо, посмотреть иной пейзаж, иную архитектуру, послушать незнакомую речь.

– А зачем, я же все равно ничего не пойму.

– Затем, что наш мозг необходимо все время удивлять. Удивлять новыми, необычными, непривычными впечатлениями и задачами. Вот, например, иногда есть, или чистить зубы левой рукой, если ты правша. И наоборот. На этой машине у меня подключаются обычно «спящие» нервные клетки, мозг загружается непривычной задачей, создает новые нервные цепочки. Значит, я лучше думаю, лучше решаю и другие задачи. И вообще, я умнее многих других. Тут он засмеялся, давая понять, что смеется над собой.

– А вы и есть самый умный. В нашем отделении и даже в клинике, все это знают – Нина отвечала серьезно.

– Не будем обо мне, лучше давай набросаем твой отпуск, это интереснее. Вот, например, есть такой волшебный треугольник: Вена-Прага-Будапешт. В самом центре Европы. Эти города недалеко друг от друга, за полдня можно доехать на поезде, на машине еще быстрее. Вена – бывшая столица последней европейской империи, Австро-Венгрии. Масса замечательной архитектуры, все дышит историей. Куча драматизма, вот, к примеру, гибель сына последнего императора Австро-Венгрии. Его звали Рудольф, он покончил с собой вместе с юной, но отчаянной любовницей, семнадцатилетней баронессой Марией Вечора. Есть и фильмы

об этом. Посмотри, мелодрама высший класс. А Прага – это сочетание красоты, романтики и мистики. Слышала историю о докторе Франкенштейне?

– Да, что-то было, какое-то чудовище?

– Вроде того. Только так звали самого доктора, а не его детище. А эта история написана на основе старой пражской легенды об ученом и учителе Леви и его «произведении», великане Големе. Тот работал на этого ученого, а потом взбунтовался и принялся крушить и ломать город. Леви взял и усыпил его. Надолго, но не навсегда. Говорят, Голем все еще спит где-то на чердаке старинного дома в Пражском Граде, а когда проснется, всем не поздоровится.

Последние слова БМВ произнес почти шепотом, Нине стало страшно, она даже поежилась.

– А если хочешь просто отдохнуть и расслабиться, то это лучше всего сделать в Будапеште. Лучшие в Европе мясные блюда, тысячи бассейнов с минеральной водой, наконец, венгерская оперетта. Была когда-нибудь в оперетте?

– Нет, не приходилось. Нина вообще загрустила: не была, не знает, не видела... Для чего живу? Вот бы побывать везде, но не одной и нес мужем, а вот с ним. Он рассказывал ей интересные вещи, она бы слушала, прижавшись к сильному плечу, представляла бы все эти увлекательные истории, боже как же хорошо!

– В Будапеште дед мой был, в сорок четвертом, мало об этом рассказывал, его тяжело ранило... Вряд ли он там в бассейнах расслаблялся и оперетту слушал... И вообще он не любил войну вспоминать.

– Тем более, стоит тебе посмотреть вокруг, открыть для себя большой мир. А оперетта создает прекрасное настроение: музыка, костюмы, красивые и романтические отношения. Для женщины в расцвете сил самое то! БМВ как будто не замечал, что мысли Нины были далеко.

– Сейчас для активных людей есть возможности, можно путешествовать, можно учиться многому новому, менять профессию и даже направление жизни. Только с умом, конечно, – продолжал он.

Нина была в своих мыслях:

– С кем я пойду в оперетту, с мужем что ли? Он в этом ничего не понимает, да и не пойдет он. Разве что с подружками? Можно для начала с ними, потом это будет, как повод зайти к БМВ, обменяться впечатлениями, да это хорошая идея!

– А как вы так быстро и легко управляетесь с людьми, с сотрудниками, с пациентами? – Нина действительно всегда удивлялась, – в других отделениях конфликты, ссоры, жалобы пациентов были обычным делом, а у них все шло спокойно, без каких-то серьезных встрясок.

– Видимо, знания и опыт – дежурно ответил БМВ, усмехнувшись скорее себе, нежели Нине. И читать надо хорошие книги, они интересуют жизнь и отучают повторять чужие ошибки. Кстати, вернемся в Вену. В девятнадцатом и до середины двадцатого века было такое выражение «венская клиника». Под этим подразумевалось исключительное качество и высокий уровень тогдашней венской медицины. Считалось хорошим тоном у аристократов и вообще богатых людей там лечиться. Хирургия, гинекология, психиатрия – все на мировом уровне. Ты слышала такое имя – Зигмунд Фрейд?

– Нет, не припомню, это врач такой?

– Да, и врач тоже. БМВ помедлил. Нина поняла, что он раздумывает, стоит ли продолжать этот ликбез, она совершенно не справлялась с ходом разговора, не могла его толком поддержать, кругозор оказался пригодным только для дежурных семейных бесед, да бабьих сплетен с подружками и в сестринской. Печалька... Но БМВ все же решил продолжать.

– Этот врач-психиатр объяснил коллегам, а потом и всему миру как работает наше подсознание, откуда берутся психологические проблемы, болезни, комплексы и даже преступления. Как обычно с такими открытиями, сначала над ним смеялись, потом осуждали, потом

преследовали, а потом стали копировать во всем и, наконец, даже «улучшать» его метод. Метод называется психоанализ и помогает человеку разобраться в себе.

– Вот-вот, подумала Нина, мне точно надо в себе разобраться. Убила одну, собираюсь убить другую. Самое время разобраться!

– Психика человека как хорошо приготовленный латтэ в стеклянном стакане. Любишь такой?

– Да, конечно.

– Ок. На поверхности пенка – это то, что о нас знают и ждут другие люди. Тут все ясно. Второй слой – молоко с водой, это то, что мы знаем и думаем, наша осознанная жизнь, цели, желания, страхи тому подобное. А на дне – не размешанный черный кофе. Это наше подсознание, этого про нас никто не знает, ни мы сами, ни тем более другие люди. Но подсознание работает изнутри, и заставляет нас совершать самые неожиданные вещи. Врач-психоаналитик может проанализировать ситуацию и помочь найти решение проблем. Я изучал в какой-то степени это направление и стараюсь с пониманием относиться и к людям, и к ситуациям.

– А это сказывается на личной жизни? Нина не могла напрямую спросить о том, что ей делать, но пыталась услышать хоть чей-то разумный голос.

– Да, конечно. Особенно в семье, в отношениях мужей и жен, отцов и сыновей, матерей и дочерей. Иногда очень жестоко. Например, Фрейд был уверен, что основной источник проблем – подавление своих инстинктов – например, стремления к ничем не ограниченному сексу, ревность сына к матери, а дочери к отцу и тому подобное. Все намного сложнее, я только самые общие вещи проговорил. И даже несчастные случаи психоанализ объясняем подсознательными импульсами. Например, ужасные случаи детских травм: падения с высоты, ожоги кипятком с плиты, отравления уксусом из оставленных без присмотра емкостей и тому подобные тяжелые случаи. И часто мать была дома, просто отвлеклась, не досмотрела, говорила по телефону с подругой и т. д.

Я работал в токсикологии какое-то время, поэтому знаю тему. Психоанализ эти ситуации объясняет подсознательным стремлением матери избавиться от нежеланного ребенка, который не дает ей устроить личную жизнь, встречаться с мужчиной и так далее. Ребенка она не убивает, но делает ситуацию опасной для него. И потом, конечно, на публику убивается, рвет на себе волосы, рыдает, истерит. Чем больше шума, тем подозрительней ее скрытые мотивы. Она и себе никогда не признается в собственной вине. Истинное горе матери, потерявшей ребенка, по-другому проявляется, я и это видел.

Помолчали. Нина обдумывала свою жизнь, отношения с отцом и матерью. Там и психоанализ не нужен – отец просто не выдержал, мать его изнутри сожгла своим характером и распущенностью. Может, и она сама, Нина такая же, просто сдерживается из последних сил?

Они ехали уже больше получаса, пробки встречались реже, скоро надо будет сворачивать к их дому. Вот возьму, переберусь на заднее сиденье, стяну брюки и скажу, что не выйду, пока он меня не приласкает! Нина вздрогнула. Откуда это в ее голове? Что за безумные мысли?! Надо брать себя в руки, куча забот, подготовиться к операции и к встрече с Ольгой. В Нине в этот момент как будто звучали два голоса, один разумный, правильный, другой – нервный, срывающийся, совсем незнакомый. Устала, совсем вымоталась, пора хоть немного отдохнуть. Нина пошевелилась, навигатор сообщил, что они подъезжают к их дому. Выходить из машины не хотелось. Вот бы он пригласил меня сейчас в кафе, мы сидели бы в полумраке, смотрели бы друг другу в глаза... Это не то, что в его кабинете!

– Угостите меня чашкой чая, или кофе, мне все равно. Тут есть кафе совсем недалеко, – Нина почти умоляюще смотрела БМВ прямо в глаза. Он, наконец, все понял. Пару секунд помедлил

– Окей, желание лучшей медсестры отделения надо исполнять, – улыбнулся БМВ.

В кафе было не так уютно, как ей хотелось, все пластиковое, неживое и слишком светло. Они присели, заказали чай и пирожное для Нины. Очарование вечера стало спадать. Там, в салоне машины они были как будто совсем одни, и музыка была мягкой и романтической, и его голос так глубоко проникал в душу. А тут, на пластиковых стульях, за пластиковым столом и чувства становились какие-то пластиковые. Музыка играла громкая, резкая. Посидели, поболтали о рабочих делах, о сложностях в работе. Нина чувствовала, что задерживает его, но не было сил начать прощаться. БМВ незаметно взглянул на часы. Все. Ждать больше нельзя. Нина поднялась, БМВ подал ей куртку, вышли на улицу.

– Я дойду, стала закрываться Нина.

– Нет, рыцарь провожает даму только до ворот замка, не иначе, улыбнулся он.

Проехали несколько сот метров. Машина остановилась, БМВ вышел, открыл дверцу, подал руку. Нина выбралась на холодный, неприветливый полумрак.

– Беги домой, не мерзни, в клинику ты должна лечь здоровой, пошутил он и задержал ее руку в своей на мгновение. Рука была холодной, сухой, крепкой. А у Юры руки всегда теплые и влажные, невольно сравнила Нина.

Дома быстро разделась, стала набирать ванную. Все сидели на кухне, доедали ужин.

– Ты чего-то поздновато, заметил Юра.

– Да, заканчивала дела, буду готовиться к больнице. Кстати, сыночки, ваша мама приболела, надо оперироваться. Думаю, ничего страшного, но вам надо себя показать по хозяйству,

чтобы я не переживала понапрасну. Ребята, отложили вилки, уставились на нее, как на незнакомку.

– Как же так, мам? – старший отреагировал первым.

– А вот так, такова сама жизнь. Ничего, вместе с папой вы справитесь. Отчего – то на глаза навернулись слезы. Показывать их не надо, ни к чему.

Нина ушла в ванную, капнула хвойный экстракт, легла в воду. Закрыла глаза, стала думать о хорошем. Значит, о БМВ, о ком же еще? Понравилась я ему, или нет? Конечно, не накрашена толком, одета буднично, вид уставший. Наверное, он видел и знал разных женщин, он обязательно должен нравиться мало-мальски понимающим дамам. Кто видит мужчину по-настоящему, будет за такого держаться. Говорят, он давно и прочно женат. Ну и ладно, не собираюсь я его отбивать. Просто хочется понимания от того, кто вообще на это способен. Нина припомнила чуть не случившийся инцидент в том кафе, где они только что пили чай. В углу сидела группа молодежи, трое ребят и девушка, лет им по 18—20. Стали посматривать в их сторону, смеиваться. Видимо, комментировали свидание пожилого дядьки и молодой дамы.

БМВ не реагировал первые пять минут. Потом повернулся в их сторону, смотрел долго, почти минуту. Ребята притихли, перестали их обсуждать, заговорили о чем-то своем.

Зря он так, столько придурков вокруг, пьяных, обкуренных. А что, если бы ввязались в драку? Он, конечно, крепкий мужчина, но с тремя... Но ей было приятно, что ради нее, из-за нее могло состояться что-то мужское, горячее, опасное. Вода расслабляла, Нина представила себе, что в машине они стали целоваться, она прижалась к нему всем, чем только можно, стала раздеваться, он прижал свою прохладную сильную руку к ее горячему телу. Стала кружиться голова, Нина крепко надавила внизу живота, другой рукой направила туда же струю из душа. Вот они уже на заднем сидении... Он гладит ее груди, те тяжелеют, наливаются... все, пора!

Вдруг раздался стук в дверь ванны:

– Нинок, у тебя все нормально?

Юра проявил заботу тогда, когда она в ней ну совсем не нуждалась. Вот неудача! Нина перестала себя ласкать, повесила рукоятку душа на крючок. Образ желанного мужчины растворился в пару, поднимавшемся от горячей воды.

Следующие три дня Нина потратила на поездки в разные клинические лаборатории, чтобы по – срочному досдать все необходимые по списку анализы. Пришлось потратиться, конечно.

В четверг один из ее внутренних голосов напомнил, что пора звонить Ольге. Это было важно и сложно. Требовалось договориться с ней о встрече у нее дома, а это было не просто. Та не привечала никого из родственников, кроме брата.

Нина прошла на сестринский пост, набрала номер, Ольга ответила с нервным покашливанием:

– Да, кто это?

Знает ведь мой голос, но игнорирует, дескать, ты мне никто, чтобы тебя узнавать.

Нина была к этому готова:

Оля, есть разговор, важный. Хочу просить тебя о встрече завтра! – голос Нины был с просительной интонацией.

– Давай, только вечером, недалеко от моей работы есть кафе.

– Знаешь, ты извини, но разговор очень личный, можно я приеду к тебе домой?

Ольга поначалу даже опешила:

– Зачем это?! – она даже и не думала скрывать неприязнь.

– Есть важная информация, хочу с тобой обсудить. Но только не сообщай Юре, пока с тобой не встречусь и не мы не договоримся, ему знать не нужно.

Теперь Ольга была заинтригована, на это и был расчет.

– Ок, тогда после семи часов, знаешь адрес?

Ни в коем случае этого нельзя было допустить, понимала Нина. Никаких от нее звонков и сообщений!

– Да, знаю.

– Тогда до завтра.

– До завтра.

Весь день пятницы Нина занималась домашним хозяйством, делала некоторые закупки впрок.

Вечером, незадолго до прихода домашних, Нина вышла из дома. Подготовилась как могла. Надела неприметные брюки, кроссовки, свитер и плотную облегающую спортивную куртку с капюшоном. Сверху напялила старую куртку старшего сына, эдакий бесформенный полупуховик, тоже с капюшоном. В руке был плотный пакет с молотком и другими аксессуарами для общения с Ольгой.

Выйдя из метро, нацепила свои старые очки с небольшими диоптриями. Они ей были не нужны уже несколько лет, сейчасгодились.

Пока шла к дому Ольги размышляла о том, что вот этот год, наверное, самый трудный. Кто-то ей сказал, что год, в котором есть три девятки, будет для кого-то очень счастливым, а для кого-то совсем несчастным, если девятки перевернуть в шестерки. Люди очень резко разделяются на удачливых и неудачников. Сыновья тоже рассуждали, что вот, мол, всех ждет проблема двухтысячного года, типа, все компьютеры могут сломаться. Она ничего в этом не понимала, но ей хотелось, чтобы этот опасный 1999 год поскорее закончился. А он ведь только начался, февраль-месяц стоял на дворе. И то сказать, с нового года у нее голова стала болеть постоянно, вот он несчастливый именно для нее год...

На площадке подъезда было светло, в камерке сидела привратница. Дом вообще был улучшенный, Ольга и здесь устроилась удачно. Быстро прошла к лифту, поднялась на 11 этаж, никого не встретив.

– Ну, ты и тютеха! – Ольга с удовольствием ужалила Нину. И, кстати, была, по сути, права. Вид был какой-то неженский, средний пол, короче. Собственно, Нина этого и добивалась.

Сняла обувь и пуховик, вместе прошли на кухню.

– Будешь чай? – спросила Ольга.

– Давай.

Ольга стала набирать чайник, отвернулась к плите. Нина успела метнуться в прихожую за пакетом. Как только Ольга стала поворачиваться, Нина сделала шаг ей за спину, дважды крепко стукнула молотком в затылок. Та сникла, привалилась к плите плечом. Нина прошла в гостиную, открыла дверь лоджии. Хорошо, застекленная. Толкнула створку рамы. Открылся вид стильной, полузаснеженной неровности земли с пятнами промерзшей земли, прореженной минувшими холодами травы. Вид выходил на сторону, противоположную выходу из подъезда. И это тоже было хорошо. Плохо было то, что у Нины было лишь пять-семь минут до приезда милиции. Те сразу перекроют подъезд, пойдут по этажам. Во всяком случае, должны так сделать.

Вернулась на кухню, Ольга тихо стонала, из полуоткрытого рта тонкой струйкой стекла слюна. Крови не было. Нина предусмотрительно обернула головку молотка скотчем. Удар был, но кожа не поцарапалась. Нина надела перчатки, подхватила Ольгу подмышки, потянула через гостиную на лоджию. Было тяжело, но не тяжелее, чем таскать и переключать, переворачивать пациентов в отделении. Приткнула ее к перилам, пропихнув голову, грудь и руки через них. Что-то глухо треснуло внутри Ольгиной груди. Нина вздрогнула, а потом улыбнулась. Что ж, придется тебе потратиться на реэндопротезирование, дорогуша, импланты нынче в цене! Настроение улучшилось. Если могу шутить, значит еще не совсем сумасшедшая!

Нина вернулась в квартиру, прошла кухню, гостиную, внимательно все осмотрела. Вымыла, вытерла, убрала свою чашку. Молоток уложила в пакет. Перчатки снимать было рано. Пригладила след волочения на ковре, подошла к входной двери, проверила площадку этажа. Все тихо. Вышла на балкон. Высоко, полет будет долгим. Ну, давай, сучка, пора! С этими словами присела, обхватила узкие Ольгины бедра и подняла вверх. Тело скользнуло вниз.

Чуть было, повинуясь рефлексу хозяйки, не закрыла дверь лоджии. Ну и потеха, вот был бы прокол!

Все, время пошло, шутить было уже некогда! Нина прошла в прихожую, надела кроссовки и пуховик. Снова заглянула в глазок, открыла дверь. Прижала ее с легким шелчком, пробежала к запасному выходу, спустилась на два этажа, вызвала лифт. Так, полминуты прошло. Лифт ехал долго. Полторы минуты долой. Вниз спускалась минуту, Сдерживая себя, прошла к выходной двери, нащупала заранее примеченную кнопку выхода.

Тетка в каморке никак на нее не отреагировала. Нина вышла на ступеньки, те были скользкими, едва не поехала по льду. Из-за угла дома показалась кучка людей, они размахивали руками, тыча вверх, вообще дом был двенадцатиэтажный.

Нина уже в очках зашагала не вдоль тротуарной дорожки, а через примеченную спорт-площадку, наискосок двора.

– Эй, послышался крик, – Постой!

Это ей, Нина продолжала быстро, но спокойно идти к следующему дому. –Эй! повторился крик, погоди!

Нина зашла за бортик ледовой площадки и рванула в темноту. Между ними было около 80 метров, это секунд 12—15, значит, времени мало. Подбежала к мусорным бакам, рванула с себя пуховик, свернула и выверенными движениями запихала его в большой пакет, на дне которого лежали молоток и перчатки. Развернулась и пошла в обратную сторону. И едва не столкнулась с двумя крупными, одышливыми мужиками.

– Тут мужчина не пробежал, в очках?

– Да, только что, чуть меня не сбил, дурак такой. Туда побежал. Нина неопределенно махнула в сторону дальнего квартала новостроек.

Двое увальней ринулись в темноту.

Нина пошла в сторону Ольгиного дома. Из-за угла появился милицейский уазик с мигалкой. Нина шла ему навстречу, насколько возможно неторопливо и даже расслаблено. Уазик притормозил у нужного подъезда, из него вышли трое в форме, вошли в дом. Нина не собиралась наблюдать за происходящим. Быстро дошла до метро, ехала, как ей показалась долго. Вышла, когда было уже почти девять часов. Поздно для магазинов. Но уже ничего не поде-лаешь, придется импровизировать по ситуации.

Дома волновались, ведь Нина ушла, ничего не сказав.

– Да, признаюсь, виновата, стала рассеянной, только в магазине поняла, что убежала молча, торопилась. Пакет с молотком, перчатками и курткой поставила в свой шкаф. Туда никто никогда не заглядывал.

Наутро субботы, пока все нежились в постели, Нина собралась и поехала к матери. Пакет взяла с собой. К ее удаче про Ольгу еще не сообщили, муж сопел в постели, когда Нина уже была на улице. К маме ездить Нина не любила, у той дома всегда был беспорядок, иногда мать встречала дочь навеселе. Но дело надо было закончить. В этом районе города царил некое запустение, как это бывает в старых, слишком обжитых, но забытых микрорайонах. Пятиэтажки жались друг к другу как голуби в мороз, машины стояли, где попало, у подъездов кое-где попадался бытовой мусор, иногда могла пробежать бродячая собака.

Поднялась на второй этаж, позвонила. Мать открыла не сразу. В темном коридоре стоял запах невымытой посуды, чесночной колбасы, дешевых сигарет. Светлана Петровна не была опу-

стившейся пьянчужкой, могла и прибраться, и приготовить нечто вкусное, и даже поддержать разговор с образованными людьми. Но только до первого бокала. Потом все съезжало куда-то вбок, в кювет, мама становилась неуправляемой.

Нина сняла куртку, поставила рядом с собой пакет.

– Мам, сделай чай, что ли, или кофе, Нина решила выказать маме дочернее отношение, как бы попросить позаботиться о ней.

– Да, дочка, сейчас, мать засуетилась с чайником в руках.

– Только мне с молоком, если можно.

– Ой, а его и нет у меня. Ну, да ладно, сбегая в продмаг за углом, обернусь в фюнф минутен. Из Светланы иногда выскакивали немецкие слова, ее отец, дед Нины, воевал, любил иногда щегольнуть такими словечками, знай, дескать, нас ветеранов!

Пока мама была в магазине, Нина повесила пуховик в глубину шкафа в прихожей. Надела перчатки, вынула молоток, вошла с ним в спальню. Там, раскинувшись, лежал и храпел Мишаня, последний мамин сожитель. Это был здоровенный мужик лет под шестьдесят, неопрятный, вечно поддатый, но не злой. Нина положила молоток рукояткой в его ладонь, сжала пальцами. От Мишани исходил томительно-тошнотворный запах перегара и чеснока.

Нина прошла в ванную, встала на табуретку, балансируя на кривых неодинаковой длины ножках. Положила молоток на полку антресоли так, чтобы его не было видно, но легко было нащупать. Еще утром, разматывая скотч с его бойка, заметила пару прилипших волосков. Вот удача, подумала Нина. Вырезала этот кусочек скотча, сложила, положила в кошелек. Теперь молоток лежал с двумя незаметными волосками на своем бойке.

Когда пришла мама с бутылкой молока, Нина рассказала ей в доступных выражениях о своей беде, о предстоящей операции. Мама охала, качала головой, даже коротко всплакнула. Нина решила чем-то отвлечь себя и маму. И стала пересказывать, что услышала от БМВ тем самым замечательным, но таким коротким вечером. Например, про город Прагу с его таинственными улочками и легендами; единственными в мире староместскими часами, которым нет подобных в мире, и за которые был ослеплен их создатель; с его уютными кафе и причудливыми мостами; о глиняном великане Големе, который спит уже шестьсот лет, но ждет своего часа, чтобы проснуться и разнести город вдребезги и пополам... Светлана Петровна покачивала головой, улыбалась и вздыхала, что вот не привелось ей в жизни поглядеть иные страны, а как бы хотелось!

Нина догадывалась, что примерно в это самое время Юра мог получить известие о гибели Ольги. Маме ничего говорить не надо, это очевидно. К племяннице она относилась хорошо, они обе были активными в жизни, старались брать у нее как можно больше, только каждая свое.

Нина заторопилась домой, сказала, что как ляжет в клинику сразу даст знать, что и как.

Мама провожала ее с непривычной грустью в глазах, как-то смиренно и даже обреченно. Нина встряхнулась от накотивших грустных мыслей, собралась. Ведь она все сделала правильно, не так ли?

– Нет, не так – какой-то внутренний голос ответил, ей как будто откуда – то сбоку. Нина даже обернулась. Никого. Нина поняла, что переутомление нарастает; болезнь, необходимость защитить семью, внутренний разлад и охлаждение к мужу спаялись в тяжелый нервный ком, застрявший где-то в глубине шеи. Надо бы поплакать о себе, несчастной, но на это нет времени. Пора домой.

Дома был только младший сын, играл в телевизоре на новой игровой приставке. Причем, игра была по его спортивному профилю. Он так стремился к достижениям в своем спорте, что не тратил время на всякую ерунду, например, девочек и разные компании, только тренировки.

– А где все? – спросила Нина, предполагая ответ.

Сын ответил не сразу.

– Что-то случилось с тетей Олей, папа с Леней уехали туда, на квартиру. А потом, возможно, в милицию.

Нина внутренне напряглась, хотя и была ко всему этому готова. Стала набирать телефон мужа, но тот сбрасывал звонок.

– Ладно, подумала она. Пусть все идет, как идет, а мне пора собирать вещи.

Муж и старший сын вернулись вечером, уставшие, муж был заметно нетрезв, сын его слегка поддерживал под руку. Разделся, прошел на кухню. Налил себе водки, выпил, не закусывая, добавил.

– Оленьку убили, выбросили из окна, – надтреснутым голосом выдавил он. Что же это такое?

Нина с усилием подошла, погладила по голове, сделала вид, что готова заплакать. Но не получалось, поэтому отвернулась и ушла в ванную. Значит, ее игра в самоубийство не сыграла, жаль. Интересно, что пошло не так, почему же оставленная ею картинка не сработала как надо? Очевидно, погоня за неизвестным в пуховике и очках вывела ментов на след.

В воскресенье с утра Юра с большой головой уехал на вокзал встречать родителей Ольги, своих дядю и тетю.

Нина не поехала. Ей собираться надо, в понедельник ложиться на операцию.

Похороны запланировали на вторник, тем более, что придется ждать результаты судебно-медицинской экспертизы. Нина ощущала некую двойственность своего отношения к происшедшему. В какие моменты она была подавлена совершенным и задавала себе вопрос, зачем это сделала и что будет с ней и семьей, если правда раскроется. Ей становилось так страшно, что она даже не могла удержать внутри себя жидкость, несколько раз непроизвольно обмочилась посреди бела дня. Пришлось даже носить с собой запасные трусики и прокладки. Надо было сходить в церковь, как это они делали с бабушкой, маминой мамой, покаяться. Но Нина боялась, что каждый образ на стене, каждый лик в окладе разглядит ее изнутри, догадается обо всем и громко объявит ее страшный грех на весь храм, на весь мир.

Однако, все чаще Нина чувствовала в себе иное – силу, превосходство, способность управлять событиями и людьми. Ей становились настолько понятны мотивы и поступки других людей, что сама себе удивлялась. Раньше Нина не была проницательной женщиной. Так, понемногу догадывалась, кто хороший, кто плохой, что сказать, что сделать в той, или иной ситуации. На уровне обычной бытовой женской интуиции она жила, общалась, чаще ошибалась, но была в мире с собой и другими, которым много прощала просто потому, что себя считала счастливой и удачливой.

Когда Нина заболела, она восприняла это как обидную несправедливость. Ну как же так? Старалась для семьи, близких, помогала больным, честно работала, мужу не изменяла. И что? Чем ее наградила судьба? Какой-то дрянью в голове, дыркой в черепе, деменцией, инвалидностью, потерей мужа и семьи, предательством?!

Так вот хрен вам! Сама сделаю все, исправлю несправедливость этой жизни, возьму у нее, что смогу, что успею!

Ей вдруг очень захотелось разорвать круг одиночества, поделиться всем с умным и понимающим человеком. Например, с БМВ.

Пока дома никого не было, набрала его номер, выждала несколько долгих гудков.

– Да? – БМВ был, видимо, чем-то занят.

– Это Нина, у меня вопрос.

– Да, Нина, в чем дело?

Вот это да, а зачем я вообще ему звоню? Поделиться интимными переживаниями сексуально-неудовлетворенной убийцы? Видно, голова постепенно перестает работать нормально, надо что-то придумать, причем срочно.

– Извините Булат Максудович, не могу найти записку с телефоном клиники, куда вы меня направили.

– Ну, конечно, ничего страшного, минуточку.

Нина стояла с трубкой в руке, холодный зимний свет наполнял ее комнату, но не согревал, а как-то обволакивал вещи, мебель, ее саму, вызывая легкий озноб и ощущение своей отдаленности от этого мира.

– Вот, записывай, только внимательно.

Больше причин удерживать его у телефона и слушать его уверенный, приветливый голос не было.

– Пожелайте мне удачи, что ли – просительно и вместе с тем требовательно сказала Нина.

– Ниночка, вам ничего не грозит, вернетесь здоровее, чем были. И мы о многом с вами поговорим. Я буду за вами приглядывать, чтобы вы в первое время не перенапрягались.

– Боже мой, вот это радость! Приглядывать за мной! Своими умными глубокими глазами. Да я так буду приглядываться, что ты и не поймешь, как окажешься в моих объятиях, мой милый и желанный! Уж я приглянусь, обещаю.

– Хорошо, спасибо! – выпалила Нина и положила трубку. Она была возбуждена, страсть билась в ее теле, стучала сердцем, висками, животом. Как будто множество молоточков изнутри выстукивали ей: Наконец, Нинка, у тебя будет любовь, настоящая, с настоящим мужчиной и я буду ему настоящей женщиной. А сколько у меня нерастраченного, не испробованного! Нельзя больше ждать, пора женского расцвета вот-вот пройдет, начнется увядание... И что потом, мечтать и ласкать себя под эти мечты рядом с рыхлеющим и толстеющим Юркой?

Нина попробовала вспомнить их с мужем любовную лихорадку первых месяцев брака.

Впечатления были стерты, что-то было приятное, что-то не очень. Опыта у них было мало, да и дети появились без задержек. Спустя лет десять на Нину стали накатывать такие горячие волны желания быть с мужчиной, любим, лишь бы имел ее во всевозможных позах, много раз. А лучше с несколькими, двумя-тремя, переходя от одного к другому. И пусть муж был бы рядом, поддерживал ее, нахваливал и подключался перед самым ее оргазмом, кончая с чувством ярости, страсти и ревности.

Пришлось научиться самой себя обрабатывать, справляться с этим наплывами почти безумия, искать возможности разрядки, хотя бы технически, без желанного мужчины рядом.

А сейчас, заболев, Нина вновь стала испытывать силу этих горячих волн, способных на отлив, когда страсть достигаем невыносимой силы и напряжения, свалить с ног, утащить за собой в глубину этой темной бездны.

Приставать к мужу было бесполезно, он приходил к ней раз в две недели, привычно, по-семейному быстро и деловито. Долгие ласки, милые словечки на ушко, поиск укромных мест на ее теле его не заботили, делал свое дело и с дежурным поцелуем отворачивался.

Разговоры с подругами отталкивали ее и влекли. Одно ее Я негодовало от таких неразборчивых отношений с мужчинами, другое, напротив, старалось не упустить ни одной подробности отношений, техники секса, вариантов соития и даже каких-то совсем необычных и даже неприличных утех.

После этих встреч Нина уходила в смятении, запиралась в ванной, пробовала что-то делать с собой с помощью рук, душа, гладких пластиковых предметов гигиены. Потом Даша подарила ей на день рождения импортный вибратор, причем без каких-либо просьб Нины. Даша вообще была чем-то отдаленно на Нину похожа, та же невысокая чуть полноватая в бедрах фигура, такая же объемистая грудь, мягкие черты лица, умение слушать другого человека, как-то откликаться на его чувства. Катя, напротив, была более жесткой, сосредоточенной и решительной женщиной. Даша искала в отношениях хотя бы толику чувств, даже придуманных, Катя же относилась к мужчинам только как «технический» специалист. В ее жизненной истории был один тяжелый момент.

Тогда Катя была молодой спортсменкой, играла в волейбол, подавала надежды. Была призером чего-то там, готовилась к получению звания КМС. И вдруг случилась некрасивая история с тренером, потом был то ли аборт, то ли выкидыш, ее «ушли» из команды, а тренер остался. Он был очень успешен, и руководство с ним расставаться не хотело, все свалили на Катю. Та была сама не своя целый год, потом отошла, подруги помогали, чем могли. После того случая стала другой, особенно с мужчинами. Людей в них не видела, только придатки к их собственному хозяйству. Из-за этого у них возникали иногда споры, Нина и Даша верили, что где-то есть их настоящий мужчина. Катя смеялась над ними, приводила примеры из практики. К тому же она по-своему завидовала Нине, у которой была семья, двое детей и Даше, которая хоть и была разведенкой, но вырастила дочь. Да и в замужестве «отметилась». Катя шла по жизни одна и ничего менять вроде бы не собиралась.

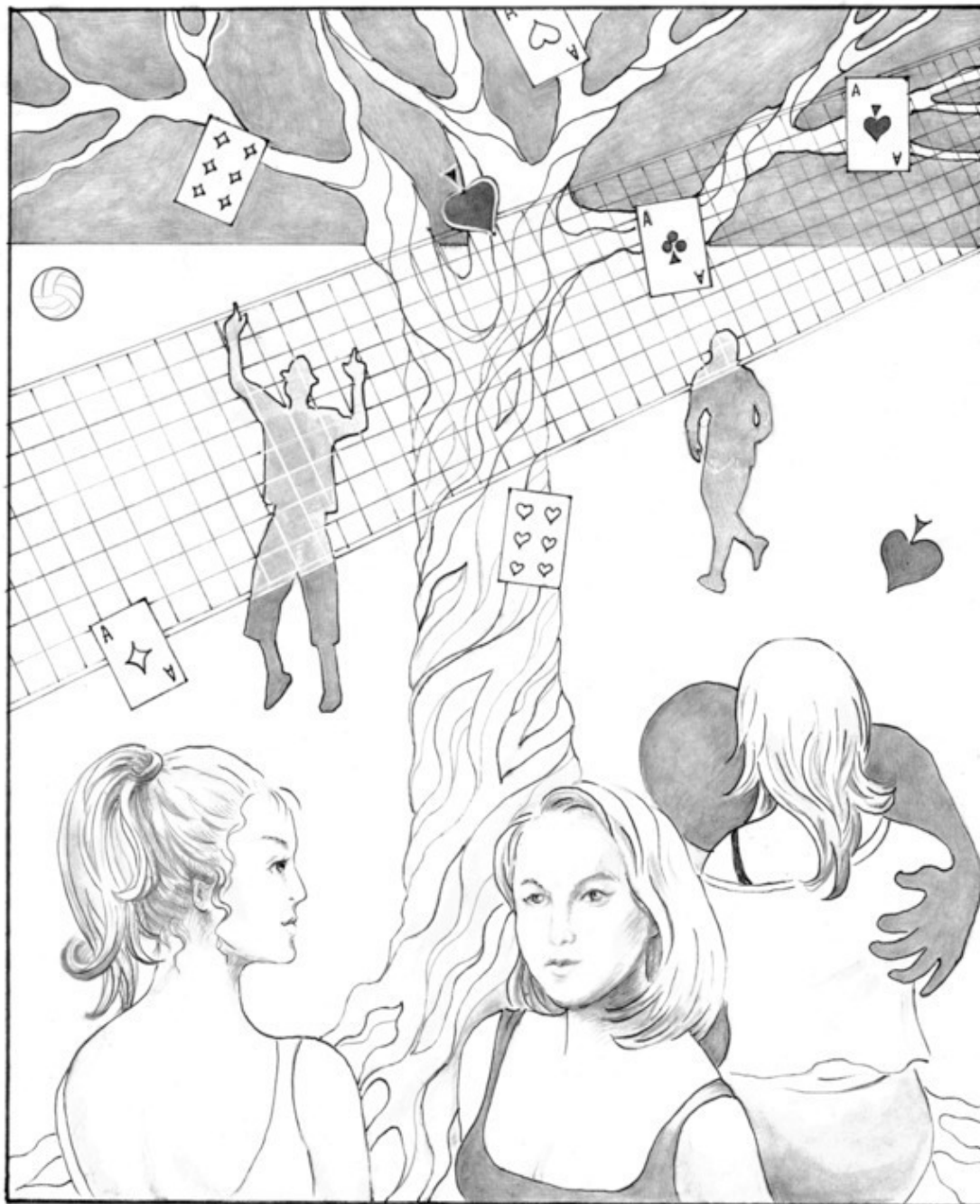
Их дружба была не по-женски крепкой. Ссоры случались, но кто-то третий всегда мирил двоих поссорившихся, и все заканчивалось благополучно. Они не были просто болтушками, встречавшимися только для того, чтобы по-бабьи пожаловаться друг другу, сравнить себя с другими, выискать в этих других недостатки внешности и личной жизни и немного успокоить себя их неприятностями.

По молодости они придумали себе рискованное развлечение. Катя была настоящим мастером и обучила Дашу с Ниной основам волейбола. Что делать на площадке, как двигаться, падать, подавать и принимать мяч, ставить блок у сетки. Конечно, им двоим было очень далеко до Кати, но поддержать ее они могли. Она обладала убийственной подачей-«неберучкой», гасила мяч над сеткой с риском травмы для защитника с той стороны, умела страховать партнеров и даже не материть их в случае неудачи, как это было принято в ее бывшей команде.

Было одно счастливое лето, когда Нина только вышла из первого декрета, они втроем по выходным гуляли по речным и озерным пляжам. Колясочку с сыном Нина ставила в тень, они шли на спортплощадку, где у натянутой сетки происходили баталии по пляжному волейболу.

Девчонки приглядывались к мужским парам и тройкам, подходили к ним, предлагали сыграть на интерес. Но с форой, например, девушек трое, а ребят двое. Или каждое выигранное девчачье очко засчитывается за два. Ребята соглашались. Девчонки играли аккуратно, и «впри-тык» проигрывали первую партию. Потом говорили парням, что так играть скучно, давайте на интерес. К примеру, считаем разницу очков. Если девочки выигрывают, получают по сто рублей за каждое. А если нет, платят по одному поцелую всем парням по желанию с каждой девчонки. Тут и начиналось самое интересное.

Даша и Нина точными «распасами» наигрывали-набрасывали на Катю, та вначале «убивала» парней по головам и пальцам, выматывала неожиданными «гасами» по углам площадки, просто выбивала их из игры. Те, конечно, терпели, отступить было невозможно стыдно. Девчонки отрабатывали один пляж за другим, денег хватало и на мороженое, и на вино, и на шмотки. Но всему хорошему однажды приходит конец. Их вычислили, позвали очень опытных ребят с волейбольным прошлым, те выиграли несколько партий, обсосали девчонок как только можно, и лицо и шею, и декольте, обжимали и шлепали. Те отбивались, не сильно, понимали, что поделом. Потом все изменилось. Остальные парни образовали круг, их оттуда не выпускали. Одни держали за руки, другие обсасывали. Полезли в трусики, стали стягивать лифчики. Все шло к чему-то очень плохому. Парней было человек десять, многие поддатые. Катя тогда спасла всех. Она со страшной силой врезала с правой и с левой одному, другому, пнула коленом третьего, четвертого боднула головой, истошно заорала: «Бежим!»

Девчонки ринулись в образовавшуюся брешь, размахивая руками. На ходу подхватили с песка шлепанцы и сарафаны. Хорошо, что Нина была в тот день без колясочки. За ними не гнались. Было еще светло, немало людей бродили по дорожкам прибрежной роши.

Выбежали в город, отдышались, переглянулись и стали безудержно хохотать, выплескивая свой страх, отчаяние и азарт в горячую атмосферу летнего города. Тогда их дружба окрепла, обрела основу из общей опасности и общего спасения.

Нина позвонила подругам, попросила их о встрече, ей просто необходимо было выговориться с кем-то близким и понимающим. Юра был занят скорбным делом, отзвонился коротко, сказал, что будет занят до позднего вечера. Это было объяснимо.

Подруги согласились неохотно, у каждой были планы на выходной день, скорее всего, связанные с мужчинами.

Встретились в середине дня, посвящать Нине весь вечер не хотели. Нина не обижалась, они еще не знали об ее беде, о предстоящей операции. Встретились, девчонки выпили по бокалу вина, Нина воздержалась. Говорили мало, Нина просила, если что поддержать ребят, как-то присмотреть за сыновьями. На мать надежды не было никакой. Юра? Конечно, хозяйственный мужик, но он работает, да и вообще...

Подруги согласились заходить проведать, что – то приготовить, помочь, одним словом по хозяйству. Пожелали поскорее восстановиться, чтобы все было по-прежнему. Нине стало немного легче, все же есть на кого положиться. Иногда они ее злили, даже возмущали своим легкомыслием, особенно Даша, но вот в беде не бросили и слава богу!

И в то же время Нина с какой-то щемящей болью расставалась с прежней жизнью, жалела, очень жалела, что у нее вот не было столько мужских ласк, столько любовных приключений, столько горячих выяснений отношений и последующих страстных и потных примирений! От рассказов подруг Нина умом своим отстранялась, внешне осуждала, покачивая головой, но самых укромных уголках ее сознания клочкотала неудержимая сила влечения, с которым она кое-как справлялась в своей размеренной жизни, но направить ее, эту силу на достойного ее так и не сумела.

Что-то теперь ее ждет? Вечером Нина пришла в салон красоты, но не в ближний, куда изредка заходила для того, чтобы волосы поправить, а к праздникам уложить. А в тот, что был подальше, ей незнакомый. Ей предстоял последний пункт подготовки к операции – бритье головы. Волосы у Нины были не то, чтобы роскошные, или особо длинные, нет. Она ими не гордилась, а была просто довольна. Плотные, тяжелые – ими Нина в молодости иногда кокетливо встряхивала, особенно, если видела неподалеку симпатичного парня. Те вздымались короткой волной, пушились, потом ложились в нужном, продуманном беспорядке на щеки и лоб. Нина становилась чуть более загадочной, игривой, не такой неприступной.

Теперь предстояло от них избавиться, причем сразу. Стрижка, вернее, бритье было недолгим. Девушка справилась минут за десять, включая обработку кожи смягчающим лосьоном. Нина спиной чувствовала, что в салоне все притихли, понимая, что к чему. И что потом будет с этой клиенткой, к чему та готовится. Что ж, выхода не было. Нина перестала жмуриться, открыла глаза. Она, конечно, готовилась чему-то плохому, но реальность ее чуть не убила. Вот итог ее жизни, страшная, гладко выбритая голова, осунувшееся лицо с темными и уже не исчезающими кругами под глазами, застывший страдающий взгляд. И этим вот она хотела покорить мужчину, причем, такого как БМВ?

– Дура высшей категории, вот кто ты, – сказала Нина отражению мысленно. Именно так выглядят разные преступники, особенно убийцы.

– А сама ты кто? – услышала она другой свой голос. Ты убийца и есть, все идет как положено. Нина поняла, что пора уходить, иначе ей станет совсем плохо, прямо тут, в салоне.

Встала, расплатилась, вышла на мороз, натянув плотную вязаную шапочку. Раньше Нина невольно сравнивала себя со своей киногероиней, на которую считала себя похожей.

Мама назвала Нину Ниной, как звали девушку из фильма про кавказскую пленницу. Тогда очень многие девчонки хотели быть похожими на студентку, комсомолку, спортсменку... Такой же сильной, свободной, уверенной в себе хотела быть Нина. Но все как-то не получалось. Тем не менее, старалась сохранять форму, каталась на велосипеде, на лыжах, с удовольствием плавала. Но с каждым годом все реже и реже. Почему? Да потому, что это никому не было нужно. Нина хотела, чтобы ее усилия оценил мужчина, но Юрику – дурику было все равно.

Странно, подумала Нина. Такое прозвище она придумала впервые. Да, Юрик – дурик. Не замечал, что рядом изнемогает от глубокой неутоленной страсти крепкая, с сильным телом и соблазнительной фигурой совсем еще не старая женщина. И она тоже хороша! Сколько можно было ждать? Попросить у подруг познакомиться с кем-то, встретиться может, разок-дру-

гой? Не для отношений, а так, для тела, для здоровья, для собственной самооценки, которая становилась все ниже с каждым прожитым в женском одиночестве годом. Муж был не в счет, тут все по обязательке, нужен был посторонний, который бы захотел ее саму по себе, а не по привычке и супружескому долгу.

Воскресенье был тяжелым для всех днем. Юра пропадал по скорбным делам, поддерживал как мог родителей Ольги, с Ниной они почти не общались. Ей казалось, что он вообще позабыл, что жена ложится в больницу, ей предстоит очень сложная и опасная операция, что вся их жизнь может после этого измениться. Похороны были назначены на вторник, хотя Юра говорил про понедельник. Задержка вышла с судмедэкспертизой. Следствие было открыто по самому факту насильственной смерти, оказывается, что самоубийство – это тоже насильственная. Нина словно на автомате, собиралась в клинику, упаковывала свою сумочку на колесах до предела.

Утром в понедельник она с нетерпением дождалась десяти часов утра. Начала названивать по указанному БМВ телефону. Прошло полчаса, все без результата. Пошла на кухню, поставила чайник, присела, подперев подбородок двумя руками. Голова была тяжелей, мутной. Вкус чая был странноватый с горчинкой. Может быть, это вообще последний чай в моей жизни? Отмахнулась от подступающих тошнотворных размышлений, взяла в руки телефон. Дозвонилась. Глуховатый мужской голос коротко указал на необходимость приехать точно до 12—00, иначе с госпитализацией будут проблемы.

Все, пора. Нина еще раз окинула привычным хозяйкиным взглядом прибранную ею после хаотичных утренних мальчишеских сборов квартиру.

Вроде все нормально. Холодильник полон. На неделю приготовлено первое и второе. А дальше... ей не хотелось задумывать так далеко, время уплотнилось до двух-трех решающих дней.

Нина села в такси, закрыла глаза. Ехали долго, она стала волноваться, что не успеет до 12—00, как ей было сказано. Но все обошлось. В приемном отделении все было знакомо, та же неспешность с плановыми поступлениями, те же короткие разговоры медсестер и врачей, тот же запах и цветы на подоконниках.

К двум часам Нина была в палате. БМВ, видимо, постарался, кроме нее стояла еще одна койка, да и та не занятая. Нина разложила вещи. Все так знакомо, как будто у нее самой сейчас начнется обход пациентов и выполнение назначений. Прилегла, задумалась. Мягкая дремота перешла в поверхностный дневной сон. Его нарушил врач. Это был слегка за пятьдесят плотный лысоватый мужчина, немногословный и конкретный. Посмотрел все ее бумаги, переложил в свою папку, те из них, что не забрали в приемном.

– Планируем операцию на среду, завтра готовим вас. Булат Максудович звонил сегодня. Видимо, вы ценный кадр, он редко так беспокоится о ком-то.

Сердце Нины забилось. Значит, еще не все потеряно, он о ней помнит, думает. Может быть, даже вспоминает как провожал меня домой. Ее женское начало потеплело, тело расслабилось, уцелевшие остатки гормонов удовольствия и счастья стали смешиваться с ее кровью, настроение улучшилось, она улыбнулась врачу. Нина знала, что эти вещества определяют все наши чувства, где-то слышала, что от них зависит и радость от жизни, удовольствие в сексе и просто возможность преодолевать разные трудности.

До вечера ей сделали две инъекции, поставили капельницу. Все вроде бы правильно. Но я бы сделала лучше – подумала Нина. Ну, да ладно. Не стоит в чужой монастырь со своим уставом залезать. Пусть все идет, как идет. Сил вечера понедельника хватило только на звонок мужа. Все там было печально, готовились к похоронам. Родители Ольги были не в себе, отцу стало плохо, вызывали скорую. Юра рассказывал об этих горестных делах и даже не спросил, а как она? А что будет с ней? Ну, да ладно, все теперь теряет свое значение перед той неизвестностью, что ей предстояла.

Утром во вторник проснулась поздно, выспалась по-настоящему. И голова не болела.

– Дали хорошие импортные препараты, спасибо, – подумала Нина. И тут же осеклась. В палату вошел ее врач и какой-то мужчина, высокий, сухощавый, с безразличным и при этом внимательным взглядом.

– Все, это за мной, – метнулась было Нина на кровати, да вспомнила, что надо сначала оценить происходящее. Ее сознание снова, как и несколько дней назад расщепилось надвое. Обычная Нина застыла в недоумении и страхе, другая Нина, жесткая и решительная готовилась к обороне. Мужчина сел, доктор вышел, напомним, что у того не более пятнадцати минут. Мужчина не кивнул и не обернулся.

– Добрый день, меня зовут Игорь Каменев, я частный детектив, из агентства – достал, раскрыл и убрал свое удостоверение. Нина не стала с самого начала цепляться и требовать дать ей внимательнее рассмотреть документы.

– Успеется, – подумала она. Тем более, он не так опасен, как я подумала. Всего лишь детектив, не следователь из прокуратуры.

Каменев сообщил, что он проводит сбор информации по факту гибели Ольги, об этом просили владельцы фирмы, где она работала. Ему необходимо задать несколько вопросов в процессе беседы, именно беседы с Ниной как с частным лицом, это просьба. Он просидел у Нины около получаса с включенным диктофоном, и хотя дважды заглядывала медсестра, давая понять, что ему пора, он не реагировал.

Почти все вопросы были ожидаемы. Расскажи, что делала в пятницу с утра и до позднего вечера. Особенно о том, где была с семи до девяти вечера. Какие были отношения с Ольгой, о чем говорили при последней встрече, зачем накануне звонила ей, когда пришла домой, где была, какие делала покупки.

На все вопросы Нина отвечала с небольшой задержкой, как бы с трудом вспоминая подробности, потирала лоб, виски, вздыхала. Всем этим давала понять, что тяжело больна, плохо себя чувствует и еле дожидается его ухода.

Вообще-то она могла отказаться отвечать на все вопросы, но не хотела вызывать даже малейших подозрений. Неизвестно, как этот детектив, или кто он там, связан со следствием. Если его наняли бывшие начальники Ольги, то они могли и со следователями договориться, чтобы искать со всех сторон. Лучше спокойно отвязаться и все.

Этот Каменев делал вид, что у него времени до вечера, не ускорял разговор, не реагировал на медсестру. Опрос, а это был, как он выразился именно опрос в связи с проводимым расследованием, пошел по второму кругу. Видно, он хотел сопоставить показания Нины, найти в них зацепки для поиска возможного убийцы. А Нина стала погружаться в легкий полусон, вызванный успокаивающими препаратами, которыми ее готовили к завтрашней операции. И в этом полусне, потеряв счет времени и задаваемым вопросам, Нина кстати вспомнила давний разговор с тем памятным пациентом в отдельной, как они говорили «блатной», т.е. платной палате. Тогда год назад к ним поступил пожилой мужчина лет под семьдесят, худощавый, небольшого роста, с умными живыми глазами и привычкой говорить смешные вещи, совсем не улыбаясь.

Нина зашла выполнить вечерние назначения, он, а звали его Александр Кузьмич, предложил присесть, угоститься фруктами, принесенными родными, просто поболтать. И то сказать, Нина устала за день, все дела были переделаны, и ей самой хотелось на четверть часа просто расслабиться, передохнуть. Присела на стул, взяла в руку упругий персик, надкусила, зажмурилась от удовольствия. Сладкий! Сок потек по уголку рта, едва не капнул на халат. Нина спохватилась, Кузьмич, а он так сам себя называл, вовремя подал салфетку. Засмеялись.

– Давно работаешь? Кузьмич сразу обратился на ты. Вообще медсестрам в привычку это обращение на «ты» практически от всех пациентов, особенно от мужчин. Иногда это коробит,

особенно, если тот моложе. Но от Кузьмича это было естественно и звучало уверенно и одновременно заботливо.

– У меня старшая дочка тебе почти ровесница, не возражаешь, если буду на «ты»?

«Вот культурный человек, попросил разрешения» – кивнула Нина. – Как себя чувствуете?

– Как ты пришла, сразу стало лучше. Кстати, ты очень даже на своем месте Ниночка, говорил уверенно, не улыбаясь, значит, всерьез. Сразу видно в тебе профессионала.

– А вы кто по профессии? Нина улыбнулась, ей стало совсем спокойно в обществе этого неброского, но очень уверенного в себе человека.

– А я вот юрист, адвокат по уголовным делам. Очень надеюсь, что не пригожусь тебе никогда – вроде пошутил, но не улыбнулся Кузьмич.

– Очень интересно, Нина невольно подвинулась чуть ближе, – наверное, много случаев интересных у вас было в работе?

– Было много, но не хочу настроение тебе портить. Тем более, ты домой поедешь по темному городу.

– А я не трусиха. Вообще почти ничего в жизни не боюсь, Нина говорила правду уверенно.

– Тогда кое-что скажу тебе, милая девушка. Бойся попадать в истории, где ищут виноватого. Муж, дети есть?

– Да, муж, два сына.

– Тем более, милая. Объясню тебе один раз, и ты помни об этом. До адвокатуры я работал следователем, больше двадцати пяти лет, еще в советское время. Много видел, тебе всего не скажу. Вот главное. Есть три вида преступлений против личности, то есть насильственных. Как бы три слоя самой жизни. Первый, низший. Это все, что раскрывается в первые сутки – двое: бытовое насилие, беспредел, грабежи и убийства в близком кругу. Бывает, находят труп жертвы и убийцу рядом, один уснул вечным сном, другой – пьяным.

Есть и свидетели, и куча вещдоков и орудия преступления и лаборатории масса материала. А главное, знакомство убийцы и жертвы.

И, откровенно говоря, высокий профессионализм тут не нужен, раскрытие быстрое, прокурор подписывает все, не глядя, всем все тоже ясно. Приговоры жесткие, заступаться за эти отбросы некому.

Тогда Нина не предполагала, что этот разговор со старым юристом будет касаться и ее. Надо вспомнить, что он там еще говорил про другие преступления, надо вспомнить! Ну, конечно, он еще рассказал про другие случаи, как раз для нее.

Кузьмич продолжал:

– Выше этого слоя располагаются два других. И тут все сложнее. Второй слой – серийные убийства, замешанные на ненормальной психике, на сексе, на тяжелых диагнозах. Если убийца не знаком с жертвой, и не сидел, все плохо. Искать могут годами, слышала, наверное? Десятки изнасилованных, убитых женщин и длится все годами. Часто это не рецидив, данных в картотеке нет, свидетелей тоже. Тут поможет либо случай, либо выжившая жертва, либо следователь «от бога» со своим чутьем и интуицией. Молодняк ментовский в таких делах бесполезен. За последние годы немало опытных сотрудников ушли на работу в коммерческие структуры. Поэтому и с криминалом сейчас, ох, как непросто! Много шальных, не заработанных денег, разбаловался народец-то! У кого икра на масле, а кого-то только кукиш, и тот без масла... Хорошо, что нынешний 99-й год последний в этом десятилетии, может, что-то еще наладится. Ноя, видимо, этого не увижу – Кузьмич непритворно вздохнул.

– Да что вы! У нас в отделении вас поставят на ноги, а вы уже себя поберегите для хороших-то людей!

Кузьмич благодарно улыбнулся.

– А как понять, убийство маньяк совершил, или обычный уголовник? – Нине становилось не по себе, ей вдруг стало казаться, что этот разговор однажды будет иметь и к ней какое-то отношение, но остановиться она уже не могла. Женское любопытство вещь непреодолимая. Если бы Нина больше читала, то вспомнила бы историю о Синей бороде и его женах, не в меру любопытных и потому поплатившихся за это.

Голос Кузьмича вернул ее к реальности.

– Наконец, третий слой. Самый сложный. Продуманные, спланированные преступления против личности. Мотив скрыт, вещдоки «замыты», продумано алиби и так далее. Вот тут и раскрывается талант и упорство следователя, про эти дела в основном и детективы сочиняют. Есть место для логики, психологии, умения разговаривать со свидетелем, вести допрос подозреваемого и масса других профессиональных вещей. Кузьмич минуту помолчал, нахмурился, как будто вспоминая что-то недоброе.

– Муж не пьет?

– Да не особенно, только в компании, как все.

– Хорошо, смотри, чтобы не выпивал вне дома, где-то в незнакомом месте, с незнакомыми людьми, тем более, если в транспорте, за рулем. Иначе, если что случится, он окажется обвиняемым уже заранее, без вариантов.

Нина стала вспоминать уже более тщательно, нет ли каких-то рискованных ситуаций в их пока еще спокойной и уравновешенной жизни. Тогда их не было...

– Конечно, все на самом деле сложнее, это я тебе так, общую картинку нарисовал. Много странного и неожиданного случается и не все можно объяснить. Помолчал. И вдруг строго добавил:

– И никогда не ходи к разным колдунам, гадалкам и прочей нечисти. В лучшем случае потеряешь деньги, это в лучшем случае!

– И не собираюсь, зачем мне это?

– Вот и хорошо. И знаешь, держись в жизни людей зрелых, постарше. Это я не к тому, что сам старик. Просто очень много в молодых сейчас пустого, поверхностного, глупого и жадного. И к профессии своей у молодых сейчас отношение подчас корыстное. А у нас и у вас, те есть у юристов и врачей есть много общего. Это работа с людьми, причем, когда людям плохо, совсем плохо. И только жизненный опыт может помочь, а не обрывки знаний из нынешних институтов с их сплошь продажными дипломами. Вот ваш заведующий, Булат Максудович, видно, человек серьезный и знающий. Это вам тут повезло. Я иногда полеживаю в клиниках, знаю. На табличке, кандидат, доктор наук, а ему, или ей едва за тридцать, речь бедная, интонации безразличные, тезаурус нулевой, а высокомерия немерено. И финансовые запросы на физиономии обозначены.

К примеру, раньше возможности и у нас, и у вас были небольшие, и врач и следователь много думал, сопоставлял, вникал, искал. Врач много шупал, слушал, выискивал, даже принимался. Кстати, как и мы иногда. А теперь и у вас и у нас куча исследований, лаборатории находят все что угодно и даже больше. Врачу даже думать не надо, обследования сами на диагноз выводят и даже лечение, говорят, компьютер прописывает. Да, жизнь...

Нина хотела спросить, что такое тезаурус, но не успела, старик прервал ее мысли:

– Ладно, заговорил я тебя, девушка, ступай и живи по-умному.

Нина попрощалась, пошла собираться. Уже потом видела старика-адвоката только мельком, вскоре он выписался.

Теперь, глядя в лицо этого Каменева, она вспомнила тот разговор в палате, собрала мысли воедино, решила про себя: «Нет, дорогой, меня ты не притянешь!» Улик нет, свидетелей нет, орудия нет. Даже мотива нет. Иди-ка ты лесом...

Откинулась на подушку, закрыла глаза, на очередной вопрос отвечать не стала. Тем более, спрашивал уже о чем-то таком раньше. Детектив сидел и не вставал. Прошло минуты две. Зашел врач, встал у двери.

– Пора, уважаемый, больше нельзя, операция предстоит серьезная.

Тот встал, кивнул и молча вышел. «И был таков!» – вспомнила Нина такой оборот речи из детских сказок. Был таков. Что бы это значило?

Как-то помог ей сейчас тот вечерний разговор с пожилым адвокатом. Внушил спокойствие, дал возможность контролировать свои слова и движения, не впадать в панику, а спокойно думать и только потом говорить.

Настроение Нины улучшилось. Она справляется со всем проблемами, только вот операция... Но Булат Максудович постарался, значит, и тут все сложится. Нина попросила у сестры двойную дозу седативного на ночь, та не возражала. Нина приготовилась уснуть. Мысли все еще продолжали ворочаться в ее измученной голове, как там дома, как Юра, как сыновья, что будет с матерью и вообще. Она вспомнила вдруг про свой «запасной» вариант, про молоток у матери на антресолях в ванной. Если дойдет до обыска, это сработает против Мишани и пусть он сам и справляется, старый дуралей. Ей его не было жалко, этого отброса на обочине жизни.

Дома у Нины все было в порядке, никаких зацепок для следствия не было.

Нина погрузилась в сон. Он был странный, беспокойный. Как будто они ехали в своей машине с Юрой, а с заднего сиденья послышался шум, смех и возня. Она обернулась, там сидели Анна и Ольга, обе абсолютно голые, щипались и тискались, кривлялись и поворачивались к ней задом, шлепали друг друга и звали Юрку к себе. Нина опешила от такого зрелища, сердце забилося быстро и тяжело, она проснулась. Вся в поту и с подушкой на груди.

– Вот еще, надо успокоиться. Прямо, паническая атака... БМВ про такое рассказывал и показывал простые приемы как снять это состояние, что-то глазами делать... Надо ими быстро-быстро двигать по горизонтали, что ли... Встала, пошла в санузел, ополоснула лицо. Понемногу пришла в себя. Села на койке. Пульс понемногу замедлялся, но в груди все еще поколачивало. Подошла к окну, прижалась к холодному стеклу горячим лбом. Посмотрела на часы. Три часа ночи. Спать не хотелось. Легла, стала думать о чем-то хорошем. Например, о БМВ. Как он там? Может, пока она будет тут с перевязанной головой, все забудет? И вообще, все стало казаться какой-то киношной сказкой. Какая Европа, какие море, архитектура и тем более оперетта?

Выйдет из клиники, надо будет прийти в себя. Потом на работу. Внешность ее точно не улучшится за это время, кому она будет нужна? Вот бы придумать, где найти деньги на себя, на свое тело? Она слышала, что состоятельные женщины делают пластические операции, увеличивают, или уменьшают что-то в своем теле, выглядят молодыми и привлекательными даже за сорок. Подтянуть тут и там, подчеркнуть талию, поднять грудь, срезать лишнего с бедер, омолодить лицо... Мечты, мечты. Юрка денег на это не даст. И еще объяснит ей, стареющей почти сорокалетней дурехе, что это бред сивой кобылы, которой именно она и является. Денег в семье впритык, детей надо одевать, кормить, учить. И много чего еще скажет в сердцах. И не в первый раз.

К примеру, про кризис прошлого, 98-года, рубль в четыре раза подешевел, многие бизнесы развалились. Хорошо, их автосервис еще держится. Но машина постоянно требует ремонта. И хотя он все делает у себя на работе, запчасти-то надо покупать, как и всем. А они все дорожают. В последнее время он стал вспыльчив, нервозен, что-то на работе не складывается, он ей объяснял, но она не вникала, своих головных болей хватает. Кстати, даже Ольга успела себе импланты вставить, только вот поносила их недолго. А ей, Нине, протезы были не нужны, грудь была еще плотной, не обвисшей, но складочки тут и там ее огорчали...

Из-за этих мыслей расстроилась, даже чуть всплакнула. В ванную не пошла, чтобы себя не видеть, не расстраиваться еще больше. Легла, стала вспоминать прошлые радости, успехи

ребят в учебе и спорте, стало полегче. Разбудила медсестра, приехала каталка, она легла на нее в одном халатике. Металл был, конечно, холодным. Как и в их клинике. Почему не придумают подогрев для каталок перед операцией? Одеяло класть нельзя, все больные подмерзают, пока ждут наркоза. Проехали по коридору, поднялись на лифте в оперблок, все последующее стало смазываться, гаснуть и, наконец, погрузилось в кромешную тьму.

Глава вторая

На кладбище было сыро, промозгло, кучка съездившихся людей постояла недолго, все разошлись, разъехались быстро. Кто-то из медсестер, пришедших проститься с Ниной, догадался прихватить бахилы, это помогло, когда вышли на дорожку; сырая земля липла к обуви, грязь расплзлась по коврикам салонов машин. Женщины старательно вытирали сапоги, стряхивали грязный снег с ковриков, мужья пытались им помочь. Никто не хотел хоть что-то нечаянно прихватить с собой отсюда в живую жизнь. БМВ и старшая медсестра простились с родными и уехали, не оставшись на поминки. Родные и близкие поехали в кафе недалеко от дома. Туда, где Нина однажды сидела с БМВ тем памятным вечером.

Юра и сыновья были подавлены, но благодаря Кате и Даше ритуал как-то продвигался согласно заведенному порядку. Они, конечно, страшились того момента, когда придется войти в сразу опустевшую квартиру с завешанными зеркалами. Мама была для них еще живой, просто очень задержавшейся где-то по делу. Светлана Петровна и Мишаня, ее спутник, держались недолго, вскоре их развезло, Юра вызвал такси, назвал адрес, отправил их восвояси. Катя и Даша дошли до подъезда, попрощались, тоже уехали. Мужчины поднялись по ступенькам, вошли в полумрак подъезда. Застывший на холоде старый доводчик прижал поцарапанную входную дверь только после того, как лифт натужно пополз вверх. Снег уже прекратился и на небе в разрывах облаков стали проблескивать одинокие холодные звезды.

Все последние дни Булат Максудович не находил себе места. Чем-то зацепила его эта медсестра. Обычная внешность. Да, миловидная, кроме того, старательная и любознательная. Но видал он женщин намного эффектнее, выразительней, интереснее. И никакой близости между ними не случилось, хотя она недвусмысленно давала понять, что готова ко всему. Что-то было не так, что-то мешало ему обойтись с ней небрежно, воспользоваться ее лихорадочным интересом и едва скрываемым возбуждением. Все же она была не только сотрудницей, его подчиненной, но пациенткой, пусть и не его профиля. БМВ был воспитан в старой этической школе прежней медицины, где ценности и принципы еще имели значение. Он не сожалел об упущенной возможности доступного и необременительного служебного секса, он сожалел, что оказался вовлечен в эту трагичную историю, сам рекомендовал клинику и стал невольным виновником происшедшего. Как врач с опытом, он повидал разные ситуации и не мог не иметь сильной психологической защиты от профессионального чувства вины.

Когда что-то идет не так, врач преодолевает это чувство, прилагая профессиональные усилия по его лечению, спасению. Если начать винить себя за все допущенные ошибки, можно не дожить и до пятидесяти. Поэтому первые лет десять молодой врач должен быть в команде, где работает как минимум один опытный доктор и помогает, страхует его.

Всю неделю, пока Нина была между жизнью и смертью, он по несколько раз в день звонил в нейрохирургию, в реанимацию, трижды приезжал, чтобы поговорить с коллегами. Ситуация осложнилась тем, что опухоль срослась с одним из крупных внутримозговых сосудов, при резекции началось кровотечение, возникла обширная гематома, потом тампонада тканей мозга. Дренирование на время помогло, но начался тромбоз дренажных трубок, присоединилась инфекция. Короче, все одно к одному, наперекосяк.

Да и отношения с ведущим хирургом этой клиники стали напряженными. Никто вида не подавал, оба общались спокойно, без упреков, как все понимающие профессионалы, но все же... Получалось, что Булат как бы подставил неплохую клинику никому не нужным летальным исходом у молодой трудоспособной женщины, а коллега-хирург взялся помочь, но не справился. Отношения между ними дали тонкую, но не устранимую трещину. Как если бы стукнуть легонько по толстому прочному стеклу обернутым в мягкую ткань молотком.

Каждое утро по дороге с работы БМВ вновь и вновь перебирал в голове все слова и поступки этих последних недель, искал, но не находил ту самую роковую и невидимую простому человеческому взгляду точку, от которой пошла куда-то в сторону и вниз жизненная линия Нины Масловой. И каждое утро за его Altezza в трех-четыре автомобилях кзади ехал большой черный BMW с зеркальными стеклами по периметру и матовым кузовным покрытием Hammann. Провожал до дома, где жил БМВ и медленно развернувшись и не обращая внимания на знаки, двойные линии и светофоры, исчезал, как будто растворяясь в ранней вечерней мгле.

Жизнь Светланы Петровны и Мишани совсем разладилась. И без того они жили как кошка с собакой, а после смерти Нины все стало совсем плохо. Светлана Петровна регулярно напивалась, скандалила, обвиняла во всем случившемся всех известных ей людей и Мишаню в том числе. Почему, она и сама не знала. Плохо ей было, муторно, потеряла она хоть какой-то жизненный смысл, и даже выпивка не давала ей привычного освобождения от тягостных мыслей. Раньше, когда Нина была жива, Светлана Петровна надеялась, что придет время и дочка позаботится о ней, болезни все плотнее обступали ее дряхлеющее тело и только дочка, к тому же замечательная медсестра, могла поддержать ее в старости. А вместо этого ей самой приходилось присматривать за этим дурнем, Мишаней, вечно пьяным, никчемным и очень прожорливым великаном. Как они познакомились и сошлись, она не помнила. Ей нужна было хоть какая-то живая душа в доме, да и мужское начало поблизости все еще приятно томило ее и навевало воспоминания о бурной молодости и веселых днях. Вот и сегодня утром проснулась и сразу вспомнила, что Нины нет, не будет от нее ни звоночка, ни весточки. Пригорюнилась, сникла. В голове шумело, она встала, прошла на кухню поставила чайник. Еще ни разу она не встретилась с Юркой и внуками. Они ей не звонили, и она не хотела навязываться.

– Все же в выходные позвоню, попрошусь в гости – подумала Светлана Петровна, будь как будет. Главное, не пить. Ну как тут не пить с этим иродом под боком. Мишаня громко храпел в маленькой комнатке. Надо его разбудить и отправить за картошкой.

– Вставай, ирод, пора! Светлана Петровна толкнула Мишаню в бок.

– Ах ты, сука! – тот вдруг как-то сразу проснулся и сел на скомканной постели. – Слейся в унитаз, собака сутулая! – ее окатило тяжелым духом несвежего белья и невымытого тела.

– Ну, чего расселся, собирайся, в магазин пойдешь!

Мишаня в молодости был борцом. Имел кубки городских и республиканских турниров. Борьба давала ему чувство самоуважения и защищала от забот о хлебе насущном до поры до времени. Получил на республике звание МС, готовился на Союз. Тут случилась драка в ресторане, пришлось вступить за малознакомых девушек, потом оказалось, что все разбежались кто-куда, а остался один Мишаня, да два трупа поблизости. И хоть клялся-божился он, что только разнимал, ножа на кармане не держал никогда, зачем он ему, у него руки страшнее любых ножей – ничего не помогло. Через двенадцать лет Мишаня вышел в незнакомый ему мир. Работал на стройках, много и тяжело, старался. Хотел вернуться в спорт, хотя бы тренером в детский клуб. За любые деньги, за половину, за четверть ставки. Не пустили, судимость осталась с ним навечно. Стал пить и не мог остановиться уже лет десять.

– Уймись, наждачка, – Мишаня вроде стал остывать и совсем несильно шлепнул Светку по уху. Та мотнула головой, стукнулась об угол шкафа другим ухом.

– Ну, Голим, – исковеркав имя из рассказа Нины о каком-то заграничном городе, прошипела Светка, – тебе конец!

Побежала в ванную, привстала на табуретку, запустила руку на антресоль в поисках чего-нибудь тяжелого. С удивлением вытащила совсем незнакомый ей молоток. Новый, в целлофане, импортный, видно Ниночка принесла, доча моя дорогая! Вот и выручила маму напоследок!

Вернулась в спальню и что есть силы, но по-бабьи неловко стукнула молотком Мишаню куда-то в плечо.

– Вот тебе, получай за все!

Больше Светлана ничего не сказала. Да и как бы она это сделала? От оплеухи голова ее потонула из стороны в сторону, она осела на пол, приткнувшись боком к краю дивана.

– Так, – подумал Мишаня, – плохо дело! Высморкался, умылся, уварил чифирия, сел на стульчик в кухне, задумался. Надо валить отсюда. Жива она, ли нет – все равно. Пожизненное мне ломится в эту форточку, факт! Обтрепанное окно кухни выходило во двор, там было совсем пусто, гуляла лишь одинокая мамаша с коляской, да голуби обреченно семенили в поисках крошек.

– Как она меня обозвала? Голый? Голубь? Гулый? Гулаг? А, Голимый... Да, угадала, кегля.

Ладно, пора. Мишаня, оделся, в шкафу с удивлением обнаружил незнакомый ему длинный мужской пуховик. Надел. Пуховик заметно поджимал в плечах, но терпимо. Оглядел квартиру, где прожил... А сколько я тут гужевался-то? Года три, наверное. Светка полусидела, полулежала там, где он ее оставил. Вроде дышала. Стало быть, оклемается. Пересчитал деньги, что были у нее в старой, обтертой сумке. И двух тысяч не наберется. Ладно, в один конец хватит. Мишаня решил ехать в родной городок, что был километрах в трехста отсюда по железке.

На улице тянуло зябким, пронизывающим ветром, снега не было, летела лишь пыль вперемешку с обрывками жухлой листвы. Редкие прохожие шли непонятно куда и зачем. Мишаня спустился в метро, проломился через турникет, забыв даже, что захватил Светкин проездной.

На вокзале было необычно пустынно, небольшие люди стояли у каких-то автоматов, брали билеты. Мишане это было в новинку. Он никуда не ездил из города уже лет десять. Поискал глазами кассу.

Обнаружил в дальнем углу два окошка, в одном из них сидела ярко накрашенная тетка лет пятидесяти и трепалась с кем-то по телефону.

– Дай мне до Скрутово, один я. Мишаня был лаконичен с дамами, иногда именно это производило нужное впечатление. Но не в этот раз. То ли Мишаня был уже стар, то ли от него несло перегаром, то ли настроение у тетки в кассе было плохим, но она вообще не отреагировала на просьбу.

– Дай, говорю, один до Скрутово, чмара! – Мишаня начинал терять терпение.

– Научись разговаривать, чмарек! Дама охотно поддержала семантику быстро развивающегося общения.

Мишаня втянул воздух, но спохватился. Билеты ведь у нее. Надо сначала билет получить, а там видно будет.

– Лады, каюсь, билет давай. Мишаня как мог, снизил градус межличностного напряжения.

– Тыща семьсот, – тетка поджала накрашенные губы, развернулась к клиенту как учили, с приклеенной улыбкой.

– Сколько?! – Мишаня аж икнул от изумления. Последний раз, когда он ездил к себе в деревню, ему это обошлось в пятьсот рублей в оба конца. – Да вы тут берега потеряли совсем! Скотобаза, век воли не видать! Давай билет, заеда! И с этими словами Мишаня заехал кулаком в пластик, отделявший кассу от зала. Раздался треск, баба взвизгнула и откинулась кзади. Спинка изнуренного ее телесами утлого креслица треснула и она опрокинулась на спину, задрвав кверху стянутые принтованными колготками мощные ножищи.

Мишаня понял, что билета ему придется ждать очень долго, когда к нему двинулись двое охранников в черной форме. Мужики оказались обычными прокуренными и пожилыми доходами и даже не бывшими ментами, которых Мишаня чуял за версту. Они попытались остановить его по дороге к выходу, но через пару мгновений оба стояли на четвереньках, сплевывая

розовую слюну и пытаюсь вернуть себе дыхание. Мишаня быстро, но не бегом шел по длинному переходу в сторону вокзальной площади. Трое ментов появились в проеме у выхода. Он свернул за угол и, увидев дверь туалета, устремился прямо к окну. К его удаче, на нем не было решетки, подсел на подоконник, высадил плечом раму. Спрыгнул, метнулся назад. В этот момент в туалет вбежали менты. Мишаня тяжело, всеми своими ста двадцатью кило прижался к кафельной стене туалета за его входной дверью.

Мишаня не тренировался толком вот уже лет двадцать. Одно время после освобождения он еще надеялся на будущее в спорте, бегал, немного гонял вес, качался, плавал в пригородных прудах и вообще чувствовал себя отлично. Для спаррингов ходил в знакомый зал, боролся с молодыми парнями, иногда побеждал, иногда нет. Свои тогда 95 кг берег, старался придерживаться диеты какой-никакой. Впечатляющие внешние данные, размеры необходимых частей тела и легкий нрав позволил ему освоить непростую профессию альфонса. Его трудная молодость и флер испытаний, пройденных в исправительном учреждении, находили живой отклик в сердцах зрелых, одиноких и не очень, но всегда истосковавшихся по сильному мужскому телу городских дам.

Его кормили, одевали, развлекали, обучали самые разные женщины из самых разных сословий. Жена директора банка и преподавательница музыки, стареющая актриса и молодая фитнес-тренер – все они жалели несбывшуюся звезду спорта, и от этого старались еще больше привязать к себе. Иногда женщины удивляли его своими фантазиями. Они позволяли делать с ними разные вещи, которые нельзя было пробовать с мужем, могли возникнуть подозрения. Иногда приводили своих подруг, чтобы проделывать все в дружной компании, расширяя опыт и знания интимной жизни в групповом формате. От него не требовали чего-то еще, кроме простого и безотказного животноводства. За это его и любили. Ведь чем больше заботы проявляет женщина, тем больше влюбляется в предмет своей заботы.

Годы шли, Мишаня валял дурака, от сытой и беспечной жизни толстел, добрел, терял мотивацию хоть к какому-то движению жизни. Он еще мог использовать свои связи у нужных женщин, чтобы получить хоть какое-то подобие работы, но не видел никакого в этом смысла. К сожалению, в нашей жизни однажды все хорошее заканчивается и начинается все плохое. И потом уже это плохое не заканчивается никогда. Все как-то сдулось, перспектива ушла, стали заедать долги и неустроенность. Мишаня стал терять кондиции, мужскую силу, стать и выносливость, стала падать его популярность у дам. Денег становилось меньше, а лет все больше. Вот и его конечная остановка – Светлана Петровна, Светка, и та позволила себе неуважение. Мишаня поэтому и решил ехать в деревню, очень было надо очиститься, освежиться, продумать все не спеша и найти в своей несуразной жизни хоть какой-то смысл. Сейчас ему было тяжело, прошел скорым шагом метров сто – и вот уже одышка, пот, сердцебиение.

– Надо завязывать с выпивкой, начинать пробежки, для начала легкий тренинг, что ли, – Мишаня стоял за дверью, пока к разбитому окну подбежали все трое молодых ментов. Двое высунулись на улицу, глядели в разные стороны. Третий стоял ближе к Мишане, возился с рацией.

– Не блокировали дверь, не проверили кабинки, эх, молодежь, - пренебрежительно подумал Мишаня. Пора!

Классическая, или греко-римская борьба отличается от множества других единоборств не только отсутствием ударов, подсечек и подножек. Но и тем, что развитие взрывной силы сочетается с особой техникой захватов и бросков. И главное отличие – отсутствие как таковых болевых приемов. В джиу-джитсу, самбо, дзю-до и других видах контактных спорта причинение боли – основной инструмент для создания контроля и фиксации\сдачи противника. Борец классического стиля должен захватом, или броском положить противника строго на лопатки, работа тонкая, а сила нужна огромная, ведь практически всегда противника надо поднять над землей. Нельзя ничего ломать, выдавливать, выкручивать и душить. Поэтому борцы этого

стиля люди добрые и снисходительные в душе, стремящиеся к истинной красоте и гармонии, а не к разрушительному насилию.

Вот так, по-доброму, без лишней боли и шума Мишаня перевернул ближнего мента вниз головой, вытряс одним движением из него пистолет и дубинку, вдавил в стену некрепким стриженным затылком. Двух других аккуратно направил вперед головами на тротуар. Вышел из туалета и побежал назад, через зал ожидания. Услышал чей-то визг, по дороге снова приложил двух охранников друг о друга. На платформе было пусто. Поезд, видимо, недавно отошел, а жаль. Мишаня взбежал на переходный мост, достиг сетчатой ограды у последней платформы, перекинул свое уже изрядно уставшее тело и рухнул с трехметровой высоты на землю.

Не поднимаясь в полный рост, он увидел, как на площадку перед платформами выехал узик, а потом и микроавтобус. Оттуда посыпались человек десять-двенадцать, некоторые с автоматами.

– Ага, шоу начинается, – Мишаня сразу весь подобрался и наконец, стал входить в то ресурсное состояние, которое было так знакомо и близко ему по схваткам на ковре. До этого была просто разминка, разогрев с пробежкой, имитацией движений, постановкой дыхалки. Лег на спину и бросил взгляд в небо, возможно, в последний раз.

За эти минуты он вроде бы стал взрослее, серьезнее, осознал конечность своего, в сущности, бессмысленного существования. За двенадцать лет отсидки ему пришлось побывать в трех разных лагерях, повидал он немало разборок, расправ, жестких шмонов и следующих за ними неизбежных наказаний. Психология ментов, оперов, надзирателей, лагерного начальства была ему понятна на интуитивном уровне. А как действует СОБР он не знал, но догадывался. Выжить ему не дадут, никому он не нужен, никто за него впрягаться не будет. Он теперь живая мишень. Усмехнулся: «Мишаня – мишень». Все, пора. Он, пригибаясь, побежал в сторону промзоны, начинавшейся метрах в ста от железки. Между бетонными складскими блоками были небольшие препятствия в виде куч мусора, свалок битых кирпичей и прочих б\у стройматериалов.

Внезапно сзади послышались глухие щелчки, от стены отлетели бетонные крошки.

– Так, становится все интереснее, – Мишаня присел за кучей кирпича, расстегнул пуховик. За поясом бряк торчали рукоятки молотка и ментовской дубинки.

– Откуда у меня молоток? – недоумевал Мишаня, во дела! Видать, со Светкиной квартиры, она меня им тычила. С него все и началось. Ладно, пригодится. В кармане пуховика нащупал ствол, обычный восьмизарядный ПМ, со стертой рукояткой, царапинами на стволе и запахом дешевой смазки. Переставил предохранитель, сунул ствол назад в карман. Снова послышались щелчки, с низкой крыши то ли склада, то ли гаража брызнули кусочки кирпича.

– Это 5.45мм, спецовый, или вроде того, значит, меня оценили, – Мишаня вдохнул-выдохнул и рванул наискосок, через небольшую площадку к низкому бетонному забору. Хлопки стали чаще, стреляли метров со ста – ста пятидесяти. Запрыгнул на кучу деревянных ящиков и поддонов, перебросил ноги повыше, зацепился за край забора. Но оказался слишком тяжел, повис, и тут же очередь прошла кромку забора. Пришлось отпустить руки и упасть ничком за кучу деревянного хлама.

Он пошевелился лежа на обломках кирпичей и досок.

– Это не защита, сейчас просекут кинжальными очередями меня вместе с деревяшками, словлю кучу свинцовых маслин, хоть я их не и люблю. Мишаня вдруг вспомнил, как на вечеринках женщины угощали его коктейлями с мартини и одинокой зеленой маслинкой в необычно широком, на тонкой ножке бокале. Первый бокал он взял, не рассчитав силу, и сломал его в своей лапище. Дамы были в восторге, повалили его на спину и, хохоча, стали вливать в него каждая свой коктейль, потом окончательно разойдясь, принялись за все его части тела, соревнуясь в шуточной борьбе за право первого, самого горячего соития.

– Вот бы они меня видели сейчас, визжали бы от восторга, – Мишаня знал, что подружки его были избалованы, жестоки, извращены, выискивали любые возможности для получения запретных удовольствий.

– Пospорили бы, сколько продержусь, и сколько дырок во мне будет к завершению этого шоу. Он уже выцеливал движущиеся силуэты, старался при этом восстановить дыхание и подготовиться к следующей, очевидно, последней попытке уйти. Мишаня выстрелил четыре раза, но не для того, чтобы попасть, это было невозможно на таком расстоянии, надо было прижать их секунды на две-три. Поднялся, прыгнул на стопку поддонов, взмахнул руками, цепанул край забора и сразу же подтянулся вверх, закинув туда же ногу колено правой ноги. Раздался треск автоматных очередей, полетели деревянные щепки и бетонная крошка от забора. Но Мишаня уже перевалил свое большое тело на другую сторону, упал на корточки, кувырком скатился с небольшого откоса.

– Вот подстава, – перед ним была череда частных гаражей, тянувшаяся метров на двести вплоть до первых многоэтажек этой убогой окраины стылого и равнодушного ко всему города. Менты, конечно, уже перекрыли выезд с территории, сейчас начнут прочесывать, – Мишаня думал ясно, как всегда в схватках. Тренер иногда даже ругал его за излишнее спокойствие, за уравновешенность, которая могла мешать в самые критические моменты. Это только говорят, что ясная голова – это всегда хорошо. Иногда ярость, безумие риска и отчаянное усилие только и могли перевесить в борьбе. К примеру, так боролись многие ребята с Востока. Мишаня удивлялся, почему они такие злые, отчаянные, яростные до конца, даже если безысходно проигрывали. Сил своих не жалели, не рассчитывали. С ним, как и со всеми русскими спортсменами, бились отчаянно, а проигрывая, могли сорваться и полезть в драку, самим себе навредив в результате.

Зла на них он не держал, как, впрочем, и на всех людей, встречавшихся в его сумбурной жизни. Кроме судейских и ментов. Тогда, больше тридцати лет назад, ему дали огромный срок ни за что, исковеркали ему жизнь, скомкали и выбросили в мусор надежды и планы. Ни милиция, ни следователи, ни прокурор, ни адвокат, ни судьи ничего не хотели понять, ни во что не вникнуть. А про тюремных, про конвоиров и тамошнее начальство и говорить нечего.

И такая отчаянная обида, такая тоска вдруг накатила на Мишаню, этого большого, уже пожилого, но ничего не достигшего в жизни, одинокого, никому не нужного и абсолютно несчастного человека, что решил он не сдаваться живым ни за что.

Светлана Петровна оклемалась только к вечеру. Болела голова, причем, сразу в двух местах, куда ударил ее Мишаня, и там, где стукнулась о шкаф. Картина квартирного бардака, горечь и обида от нанесенных оскорблений и побоев, неустроенность и бесперспективность дальнейшей жизни вдруг встали перед ней высокой и непреодолимой стеной.

– Зачем это все? Я, пожилая и теперь уже одинокая баба, ничего не имею в итоге моей кривой жизни, – Светлана Петровна на скрипнувший диван. Либо жить, либо нет! Открыть, что ли газ, да и покончить со всем этим? Так ведь нельзя, грех это самый страшный из всех! Светлана Петровна давно не была в церкви, все было не до того, но что-то помнила, как будто впечатались обрывки истин в ее самое. А теперь это было уже ни к чему. Отпевание Нины прошло для нее как ритуал, положенный по порядку, даже по закону. А вот зачем это, для чего и для кого, она не понимала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.